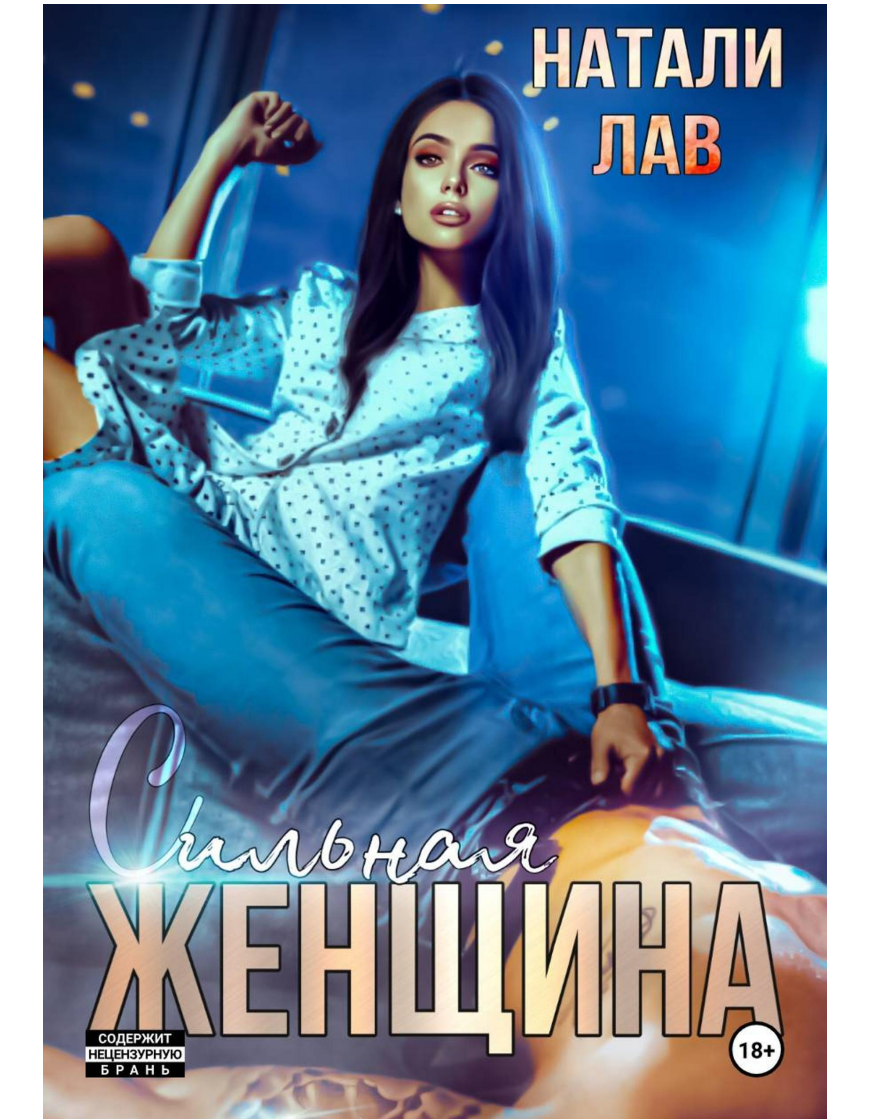

НАТАЛИ
ЛАВ

Сильная
ЖЕНЩИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Натали Лав

Сильная женщина

<https://litres.ru/64831246>

SelfPub; 2026

Аннотация

Всем, кто любит читать о любви, предлагаю современный любовный роман "Сильная женщина". Это книга о том, что часто мы находим тогда, когда перестаем искать. О том, что то, что мы видим иногда лишь то, что хотим, о том, что не готовы идти на уступки. Этот роман о сильных личностях. Смогут ли Ольга и Роман понять друг друга?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Сильная женщина

Глава

Глава 1.

Ольга.

Ничто не предвещало беды. Обычное утро обычного дня. В воздухе приятно пахнет весной, ласковое солнышко греет землю, тает снег, бегут ручьи. Хочется дышать полной грудью, пока взгляд не цепляется за выглядывающие то тут, то там кучки собачьего дерьма разного размера, за пивные бутылки и мусор. Подтаявшая земля норовит нацепляться на мою стильную черную обувь там, где нет плитки или асфальта. И почему эти места так трудно обойти?

Я вышла из подъезда и направилась к своей черной красавице "Kia". Выдержанная и спокойная эта машина была олицетворением порядка, царившего в моей жизни. Кожаный салон встретил меня теплом и приятным, но ненавязчивым запахом освежителя воздуха. Я очень высоко ценю блага цивилизации и то, что автомобиль можно завести из дома, кажется мне весьма приятным обстоятельством. Свой автомобиль – это та степень благополучия, когда тебе безразлично, что творится на улице, когда тебе не нужно толкаться среди хамоватых сограждан. Ты можешь сделать всего два шага и оказаться в салоне, который является продолжением тебя, и,

где каждая мелочь выбрана тобою с любовью, чтобы обеспечить твой комфорт.

Я включаю радио, по привычке настраиваю любимую радиостанцию "Радио 7 на семи холмах" и еду на работу, как множество людей во всех уголках мира. Мне нравится то, чем я занимаюсь. Если спросить почему, то причина банальна – деньги. Деньги дают мне свободу и уверенность в завтрашнем дне. И не нужно мне говорить, что счастье – не в них, а в чем-то другом. Может быть, для кого-то, но точно не для меня. Деньги – это понравившаяся одежда и обувь, вкусная еда, удобное жилье и современный ремонт в нем, хорошая машина, качественный отдых и много-много чего еще. А чтобы их иметь, я много работаю. Мне ничего не упало с неба, и я дорожу всем, что имею.

Чем занимаюсь? Я адвокат в преуспевающей коллегии адвокатов "Ваше право". И это чудесное место позволяет мне жить так, как я хочу, не оглядываясь ни на кого. Может быть, только на начальника. Но он тоже человек, и им можно управлять.

Я подъехала к зданию коллегии и вышла из автомобиля. На мне темно-серое кашемировое пальто, оттененное шелковым шарфиком винного цвета, черные длинные сапоги выгодно обтягивают изящные ноги. Темные, почти черные волосы собраны в строгий пучок на затылке, карие глаза с интересом изучают мир, макияж минимален.

Привычно захожу внутрь и иду к себе в кабинет. Сего-

дня у меня нет процессов, но накопилась масса бумажной работы. Начальник Михаил Никитич Есиков уже у себя, и я решаю заглянуть к нему, но сначала положу вещи и сниму пальто. Под ним у меня юбка-карандаш серого, но более светлого, чем верхняя одежда, цвета и легкая блузка насыщенного винного оттенка. Сбрасываю сапоги, обуваю туфли на шпильке и спешу в кабинет Есикова.

– Ольга Аркадьевна, утро доброе! – увидев меня, руководитель обрадовался.

– Здравствуйте, Михаил Никитич! – поприветствовала я его.

Есиков – мужчина пятидесяти двух лет, худощавого телосложения и непримечательной внешности. Но умный. И нет, моя трудовая деятельность никак не связана с выполнением каких-то дополнительных обязанностей. Свое место я занимаю лишь благодаря интеллекту и трудоспособности.

– Вы сегодня сильно заняты? – интересуется он.

– Не так, чтобы очень.

– Тогда я попрошу Вас встретиться с одним человеком. Я собирался сам, но у меня перенесли процесс, в который я не могу не явиться. Его зовут Власов Роман Александрович. Вы, конечно, слышали о нем.

– Да, он занимается строительством.

– Вот, вот. У него намечаются новые партнеры, от нас потребуется юридическое сопровождение. Это сотрудничество обещает быть для нас очень выгодным. Он будет Вас ждать

в "Дебюте" в час дня. Только ради Бога, не опаздывайте. Он очень пунктуален.

— А то, что он ждет Вас?

— Я его предупрежу. Думаю, никаких проблем не возникнет. Все равно наши обязательства будете выполнять Вы. Там потребуется знание турецкого. А кроме Вас, никто не владеет языком.

Согласно киваю, не видя причин возражать. Обыкновенная деловая встреча. Сколько их таких было и сколько еще будет? Некоторые люди любят рассуждать о проснувшейся интуиции, но у меня ничего нигде не кольнуло. Если бы я только знала, к чему это приведет, то вернулась бы домой и спряталась в шкафу.

Время до встречи пролетело быстро. Я занималась привычными вещами: претензии, исковые, договора. Сама не люблю опаздывать, поэтому решила выехать пораньше. Прибыв на место, какое-то время посидела в машине, изучая взятые с собой документы. Без пяти минут час я зашла в ресторан. Хорошее место, сама здесь часто бываю. Уютно, и кухня у них на высоте. Избавившись от одежды, озвучила фамилию — Власов, и меня провели к столику.

За столиком был мужчина от тридцати до тридцати пяти лет, крепкого телосложения. Очевидно, высокий, потому что при виде меня он не поднялся, а лишь кивнул на противоположный стул. Меня это царапнуло, но я заткнула что-то вякнущее недовольство, и, опустившись на предложенное

место, произнесла:

–Здравствуйте! Я – Кондратьева Ольга Аркадьевна из "Ваше право".

Дальнейшую мою речь Власов перебил:

–А что, Михаил Никитич не нашел времени прийти сам?

Голос обдавал холодом, как и весь его облик. Да, он был красив, правильные черты волевого лица заставили капать слюнями не одну представительницу слабого пола, но я капаю эту жидкость только от состояния банковского счета, причем собственного, потому что совершенно не умею приспособливаться под мужчин. А уж выпрашивать что-либо, манипулируя сексом, вообще для меня недопустимо. Мне проще заработать самой, чем попросить.

Мне не нравится вопрос, тон, которым он задан, но я обещала Михаилу Никитичу, поэтому цепляю вежливую улыбку.

–Разве он Вас не предупредил, что приду я?

Мужчина цедит сквозь зубы:

– И что?

Дальше мы делаем заказ, и я начинаю рассыпаться о перспективах нашего сотрудничества. Власов с аппетитом ест, слушает меня молча. Я понимаю, что ему не понравилась. Только с чем связано такое негативное отношение? Я пытаюсь изменить ситуацию, но у меня не выходит. От него прямо фонит безразличием.

Мы закончили с основными блюдами, как вдруг он про-

износит:

– Мне не особо интересна коллегия, в которой даже прийти на встречу некому

Я сижу напротив хорошо и дорого одетого мужчины, привлекательного, надо признать, и не верю тому, что слышу.

– И что ты на меня уставилась? Хочешь нового клиента для своей конторы? Тогда у меня условие.

Я оглядываюсь по сторонам, смотрю снова на него и не понимаю, что ему нужно.

Мужчина между тем презрительно улыбается.

– Сказать – какое? Лезь под стол и соси.

Я опять оглядываю зал, для чего это делаю и сама себе объяснить не могу. Ведь не для того же в самом деле, чтобы последовать грубому приказу?! Мы в приличном ресторане. Да, столик расположен на расстоянии от других. Но все же кругом люди! Да я и не могу всерьез оценивать, насколько вызывающим будет выполнение его требований!

Вкусный суп в моем желудке подкатывает к горлу. Я сглатываю, отправляя его в положенное место. Учитывая его стоимость, я не готова с ним расстаться.

Мужчина вопросительно поднимает бровь:

– Я долго ждать буду?

Меня захлестывает возмущение. Как он себе это представляет? Я на глазах всего ресторана залезу под стол и буду выполнять его прихоть?!

Выпрямляю спину, стискиваю руки, но продолжаю улыбаться.

– Роман Александрович, если Вы полагаете, что у Вас в брюках леденец, то Вы глубоко заблуждаетесь. Я, если честно, после такого вкусного обеда рассчитывала на шоколадно-банановый десерт. Его здесь потрясающе готовят. Но никак не на Ваш немытый писюн, – и я знаю, что сидящий напротив человек очень богат, и мне не стоит ему всего этого говорить, но, когда меня заносит, я уже не могу остановиться, – Если у Вас какие-то проблемы с круговоротом спермы в Вашем организме, и она очень не вовремя бьёт по мозгам, то советую Вам воспользоваться пылесосом. Только не тем, который робот, а по старинке тем, который с трубой. А трубу надо выбирать по размеру, чтобы ничего не натереть. Есть такая штука – штангенциркуль, для измерения диаметра. Она тоже Вам пригодится.

По мере приближения моей пламенной речи к завершению, Власов все больше белел. Но когда я дошла до назначения штангенциркуля, сзади меня раздался хохот. Обернувшись, я к своему удивлению увидела трех мужчин, которые

откровенно ржали. Я с сожалением поняла, что они его знакомые. А еще по налившимся кровью синим глазам я сообщила, что лучший выход для меня сейчас – это бежать.

Не прощаясь, я поспешила к выходу, а, услышав сзади грозное "Эй" и топот, не стала жеманничать и побежала. Пальто пришлось бросить в гардеробе, благо, сумочка была в руках. Сама не знаю, как, ключи от машины оказались в моих руках, и я запрыгнула в салон, успев захлопнуть дверь и даже заблокировать ее. Сделала я это вовремя, потому что дверь тут же стал дергать разъяренный Власов.

Даже в закрытом автомобиле я отчетливо слышала его грозный рык:

– Открой, сука!

Дальше шла сплошная ненормативная лексика.

– Ага, держи карман шире, придурок, – ругнулась я, заводя дрожащими руками машину.

В это время в стекло водительской двери посыпались мощные удары, и я рванула с места, оставляя этого неадекватного позади.

Не знаю, как я не попала в аварию. Вообще не очень хорошо помню, как доехала до работы. Всю дорогу меня потряхивало, то ли от злости, то ли от страха, а скорее всего и от того, и от другого. Припарковавшись возле коллегии, я не смогла даже сразу выйти из машины. Я какое-то время сидела и смотрела в одну точку, осмысливая произошедшее. Это же надо, павлин недощипанный! Что он о себе

возомнил? Как так можно вообще с незнакомым человеком обращаться? Это все из-за того, что я женщина? Я, между прочим, знаю четыре иностранных языка и пишу кандидатскую! А он! Я передразнила его, гримасничая перед автомобильным зеркалом – "Лезь под стол!", "Соси!". Фу, гадость какая! Ненавижу мужиков, ненавижу-у-у!

И тут же мне пришла в голову жуткая мысль: а чтобы было, если бы он меня догнал? Какой агрессивный тип! Ну, послушал ты меня, ну, не понравилось тебе, что я наговорила, но бегать-то за мной зачем? Мне тоже его речи не понравились, а я держала себя в руках. Даже никакой салат ему на голову не надела! Но как хотелось... Следующие мысли были тоже неприятными. Встречу я провалила, возможное сотрудничество между "Ваше право" и Власовым становится весьма сомнительным. Что теперь скажет Михаил Никитич? Он ведь надеялся! Мне стало совсем грустно. Но я же не виновата! Я просто озвучила свое мнение. Имею право! Мы живем в свободной стране! Не одним же извращенцам все можно.

А еще я пальто в "Дебюте" оставила. Что ж за день такой кошмарный! Но возвращаться за ним мне было страшно. Я попозже съезжу и заберу.

Я вернулась на работу и принялась за дела. Получалось откровенно плохо, потому что я время от времени косилась на дверь, а еще иногда вздрагивала от громких звуков. Конечно я испугалась! Кто знает, на что он способен? Кто бы не

испугался несущиеся за ним сто килограмм мышечной массы при почти двухметровом росте (это я его возле машины успела мельком оценить полностью). Еще заявится сюда и прибьет. Мужчины очень трепетно относятся к своему главному органу. А я его – такими словами о самом дорогом, что есть.

Рабочий день близился к концу, когда телефон пиликнул сообщением от руководителя: "Зайдите!". Меня оно не обрадовало, но рассказать о том, что произошло, все равно нужно. Я же не нашкодивший ребенок, в самом деле. Поэтому поднялась и пошла в кабинет руководителя, который теперь был мне не рад. Не то, что утром.

– Как это понимать, дорогая Ольга Аркадьевна? – тон Есикова был далек от дружелюбного, – Я Вас зачем на встречу с Власовым отправил? Чтобы Вы оскорбляли будущего делового партнера, уважаемого человека? Устроили сцену в ресторане, поставив его в неудобное положение! Вы понимаете, что творите?

Я от такой несправедливости на несколько секунд онемела. Этот... он еще пожаловался?! На меня? Что за мужчины пошли... Есиков ждал ответа и дождался.

– Я его оскорбила? Интересно чем?

– Только вот не надо мне лапшу на уши вешать, Ольга Аркадьевна. Мне Роман Александрович все рассказал. Да, он конечно, завидный холостяк, состоятельный к тому же, но пытаться использовать служебное положение, чтобы завя-

звать какие-то личные отношения, более того, звать его уединиться в туалете для того, чтобы.... Вы понимаете. Я такого даже предположить не мог. Да, да у Вас возраст, Вам замуж хочется, детей рожать пора. Но это...

Есиков развел руками, а я начала закипать.

– Что, что, простите? Это я его в туалет приглашала? Это мне замуж хочется и детей рожать пора? Да, знаете, где я Ваших мужей и детей видела? Это мне так себя вести нельзя? А то, что этот "бизнесмен" меня под стол хотел загнать, чтобы я ему минет сделала? Об этом Ваш Роман Александрович Вам позабыл рассказать? Верно? О том, что мне пришлось убежать без верхней одежды, он Вам тоже не поведал? О том, что чуть стекло в моей машине не выбил? Нет, не говорил? Также мне, уважаемый человек! И я спросить хотела, что у Вас за странные такие деловые партнеры намечаются?

Михаил Никитич как-то странно притих, поглядывая на дверь, но я слишком разозлилась, чтобы обращать на что-либо внимание.

– Вы о чем? – все же уточнил начальник.

– О том, что так, как сегодня, деловые встречи у меня не проходили. Ни разу! И чем Вы там интересно на самом деле собирались заниматься?

– Что Вы в виду имеете? – уставился на меня Есиков.

– А то, что рот у всех рабочий инструмент – и у женщин, и у мужчин. Может, всем просто неизвестно о Ваших насто-

ящих предпочтениях!

На этих словах лицо Михаила Никитича искажил ужас. Чего он испугался? Я думала, взбесится.

Но тут со стороны двери раздалось что-то странное, напоминающее похрюкивание. Повернувшись в сторону звуков, я поняла причину ужаса – в дверях стоял Власов. Был он не один, а с одним из тех, из ресторана. Собственно, странные звуки издавал спутник Власова, сдерживая смех. Мне же было не до веселья.

Я ехидненько улыбнулась и выдала:

– О, вот вас нам и не хватало, господа! Прошу прощения, ведь из-за меня вы не закончили, то есть не кончили... Оригинальный тройничок.

Пока они зависли, я направилась к двери и, выходя, хорошенько ею хлопнула. Уже за дверью мой мозг осознал, что Власов держал в руках что-то серое, очень похожее на мое пальто. Пальто жалко, на улице холодно. Ничего я не оставлю врагам. Поэтому я вновь распахнула дверь, зашла и, выхватив одежду со словами: "Пальто, отдайте, извращенцы!" оставила опешивших мужчин в кабинете, не забыв еще раз хорошенько хлопнуть дверью.

Глава 2.

Ольга.

Схватив свои вещи, кое-как надев пальто, из-за того, что не сразу попала руками в рукава, я выскочила с работы, не

имея ни малейшего желания там оставаться, тем более, что до окончания рабочего дня оставалось не больше получаса. Поехала домой, а куда еще?

Несмотря на то, что ушла, успокоиться никак не получалась из-за обидных слов, сказанных Михаилом Никитичем. Ладно, этот неизвестно откуда взявшийся гамадрил с задатками альфа-самца! Но Михаил Никитич! Которого я знаю десять лет с тех пор, как восемнадцатилетней девчонкой устроилась к нему на работу! Который учил, помогал, подсказывал, радовался моим победам, расстраивался из-за моих поражений! Как он мог мне это наговорить! Или причина уже не во мне? А в прибылях, которые он ждет от нового партнера? На душе стало совсем гадко. Выходит, я не разбираюсь в людях ни капли...

Я зашла в квартиру, где никого не было, и, где никто, кроме меня, не жил уже слишком долго. Свет не стала включать, было еще светло, прошла в гостиную, стянула пальто, скинув его на пол, и уселась на диван. Слова Есикова про мужа и детей все никак не удавалось выкинуть из головы. Зачем он так? Ведь то, как я живу, это мой сознательный выбор. Я не хочу быть той лохушкой, которая наивно верит, что муж не видит больше ни одной женщины на всем белом свете, в том время, как он на самом деле в бане с приятелями жарит девок, да еще и на мои деньги. Почему это делает меня ущербной? Сколько таких случаев я знаю! У меня разнообразная практика, в том числе, и бракоразводные процессы.

Но дело не только в этом. Пока за окном начинало смеркаться, память стала подбрасывать картинки из прошлого. Не хочу это помнить, но из песни слов не выкинешь, а жизнь нельзя переписать, как неудавшееся сочинение.

События одиннадцатилетней давности.

Мы с папой на даче за городом, у нас гости. Лето пьянит, как и молодость. Мне всего семнадцать, я только закончила школу. По участку распространяется запах шашлыков, папины друзья, их жены и дети не скучают. А мой взгляд все время цепляется за высокого, симпатичного парня. Я стараюсь смотреть украдкой, чтобы никто, а тем более он, не заметил, как я на него смотрю. Это я сейчас понимаю, что выходило скверно, а тогда мне казалось, что я отлично скрываюсь.

Я могла смотреть на него бесконечно. Он был красив. Я изучила каждое его движение: поворот головы, взмах ресниц, движения сильных рук, как он ходит, как говорит, как дышит. Мне нравилось в нем все. А его улыбка! Я помню ее до сих пор. Она освещала для меня мир ярче солнца. Я просто смотрела, не мешаясь ему со своей глупой детской любовью. Не пыталась вызвать ответный интерес. Максим был старше на шесть лет. И навязываться я бы ни за что не решилась. Потому что, когда любишь всем сердцем, всей душой, каждой молекулой, очень больно, когда тебя не любят в ответ. Тогда я уже это знала.

Тот день я помню очень хорошо до мельчайших деталей. Я помню во что была одета, во что был одет он, как его тем-

ная челка постоянно падала на глаза, а он недовольным жестом отбрасывал ее со лба. Я помню даже запахи того дня.

Я устала от шума и ушла к реке, встала в тени деревьев. Максим пошел за мной. Лучше всего я помню его взгляд, когда впервые там услышала от него: "Какая ты красивая, Лялька!" В его глазах сияла настоящая любовь, когда он поцеловал меня тогда.

Но мне лишь показалось. Глупой, доверчивой дурочке лишь показалось, что она бывает.

События десятилетней давности.

Папы не стало месяц назад, а в руках у меня приглашение на свадьбу. На свадьбу моего любимого и одной из моих подруг. Ленка, празднуя свой триумф, не постеснялась прислать мне его. Ей плевать на мой траур. Она победила! Вернее, победили деньги ее родителей. Зачем нужна обедневшая девчонка, папа которой не подарит на свадьбу дочери квартиру? Не поможет зятю с работой? Не будет спонсировать их "долго и счастливо", потому что самому зятю лень. Папа этого всего не сделает, потому что папы у девчонки больше нет. Как нет большой и чистой любви, которая просуществовала почти год.

И да, я пойду на свадьбу. Прости меня, папочка! Пойду, чтобы запомнить, чего именно стоит эта "большая и чистая". Пусть задыхаясь от боли, я буду весело отплясывать и не менее весело улыбаться, вместе со всеми задорно кричать "Горько!" И смотреть, смотреть, как его губы целуют другую.

Целуют жену. Смотреть, чтобы запомнить, что любви нет. Что это выдумка. Что миром правит выгода, желание вкусно есть и сладко спать. А любовь между мужчиной и женщиной... Это просто желание потереться пискками. И ничего кроме.

Настоящее время.

За окном уже стемнело, пока я предавалась меланхолии. Но пустые стены все еще давят на меня. Я понимаю, что не хочу просидеть остаток вечера, горюя по утраченным иллюзиям. Мне нужен отрыв.

Хватаю телефон и набираю Катю. Она отвечает на звонок сразу:

– Привет, Лялька! У нас кипиш?

– Да, – мурлыкаю в ответ, – Я хочу алкоголь, танцы и разврат. Ты как?

– Я за! – довольно смеется она, – Я против только голодовки. Милке сама наберешь или я?

– Давай ты. Хорошо, тогда через час в "Атриуме"

– О-е-е, Лялька, ночь только начинается!

Она отключилась. А я стала собираться.

Лялькой я осталась только для Кати и Милы, с которыми мы вылезли из одной песочницы. Потом был университет, потом работа и взрослая жизнь, но, как ни странно, дружбу нам удалось сохранить.

Я надела черное платье, застегивающееся на шее, плечи в нем были оголены, длиной до середины бедра. Под него

надела чулки. У меня красивые ноги, грех их прятать. Сапоги на шпильке лишь подчеркивали их красоту. Накрасилась, выделив губы красной помадой. Сверху накинула укороченную черную куртку,

Я – красотка! Свободная, не загруженная стиркой чужих носков и утиранием детских соплей.

В клуб поехала на такси. Пьяному не место за рулем. Зашла в фойе и столкнулась с подругами. Мы прошли в помещение, где грохотала музыка, сели за свободный столик. Заказали выпивку и закуску, стали делиться новостями. Песни, сменяя друг друга, выбивали из головы ненужные мысли, а ром с фруктами прекрасно поднимал настроение. Особо здесь не поговоришь, так как приходится кричать, но зато, пропустив пару рюмок, мы отправились танцевать. Я отрывалась, двигаясь в такт битам, пока Катя не позвала нас на перекур. Мы с Милой не курили, но с Катей вышли за компанию.

– Как дела? – поинтересовалась у меня девушка, закулив,
– Какая-то ты загруженная.

– Нет, все в порядке. – я хотела вроде излить душу, но вдруг передумала.

Я хочу сегодня веселиться.

Покулив, Катя с Милой вернулись в клуб, а решила завернуть в туалет. Туда вел длинный коридор с плохим освещением. Где-то на середине пути меня схватили сильные руки, одна, пахнущая табаком, ладонь заткнула рот, вторая вдави-

ла меня в стену. Разглядев в тусклом освещении схватившего меня мужчину, я ахнула про себя – это был Власов.

– Привет, красавица! – его улыбка не сулила мне ничего хорошего, – Значит, сосать ты не любишь. Ничего, удовлетворишь меня по-другому.

Он затолкал меня в одно из ответвлений коридора, ведущее к служебным помещениям, где почти никто не ходит, зафиксировал шею согнутой в локте рукой, раздвинул мои ноги коленом. Мои руки оказались прижаты к телу его мощной грудной клеткой, он стал меня целовать, и все, что я могла, это беспомощно вертеть из стороны в сторону головой. Сквозь слои одежды я чувствовала, что мужчина возбужден. Вторая его рука накрыла мой лобок, сдвинула в сторону кружевные стринги и стала тереть клитор. Никаких текущих соков и бабочек в животе я не ощущала, лишь омерзение от того, что чужие грязные руки лапают меня в самых сокровенных местах без всякого разрешения с моей стороны. Если бы у меня была сейчас возможность его убить, я бы убила этого уродца, не задумываясь. Зачем я вообще надела чулки? В жизни ничего, кроме колготок, носить не буду!

– Тише, тише! Не дергайся! Тебе понравится.

Наши силы были не равны. Он крупный мужчина, который почти вдвое тяжелее меня. Неужели все, что мне осталось, это быть оттраханной в каком-то клубешнике?

В таком положении я его даже коленом в пах ударить не смогу, потому что для этого надо размахнуться ногой, а он

меня придавил, как кот – мышь лапой. Здоровый-то какой! Что же мне делать? Кричать бесполезно, никто не услышит, а если даже услышит, то не факт, что станет помогать мне, или хотя бы позовет охрану. Если только пойти на хитрость. Я перестаю вертеть головой, приоткрываю рот и впускаю его наглый язык. Мужчина издает довольный стон, обрадовавшись моей капитуляцией, и толкается в меня бедрами, видимо, чтобы я почувствовала всю прелесть своего положения. Его горячий и влажный язык вылизывает мой рот, рука ласкает половые губы. Мне бы понравился его вкус, если бы он не делал этого против моей воли. Спустя несколько секунд он прекращает терзать мой рот, но впивается губами в шею, наверняка оставляя засос. Его рука задирает платье на талию, чтобы не мешалось. В этот момент он чуть ослабляет хватку, и я сразу этим пользуюсь, со всей силы вгоняя каблук своей обуви в его ногу. Он отшатывается и выдыхает:

– Ты чего, дура ненормальная! – потом хватается за поврежденную ногу и начинает прыгать на здоровой ноге.

Я б, конечно, поспорила, кто из нас ненормальный, но явно не здесь и не с ним. А сейчас, как советуют на всех курсах самообороны, надо бежать. Извини, цапель моя белая, но я тебе не дам! Мне удастся прошмыгнуть мимо него, но уже спустя мгновение я слышу в спину:

– Стой!

Вот чего делать не собираюсь, так этого. Бегу, не разбирая дороги. Надо бы в зал, там подруги и охрана, но я запуталась.

Вижу какую-то подсобку и решаю в ней спрятаться. Юркнув в темное помещение, едва не упав, прячусь за какими-то коробками, пытаюсь успокоить прерывающееся дыхание и выскакивающее из грудной клетки сердце. Лишь бы только не нашел! Пугаюсь от звука мужских голосов, пока не понимаю, что это не Власов.

– Семен, ты чего подсобку не закрыл?

– Тьфу ты, забыл, Лех. Щас.

И в двери щелкает замок. Меня заперли!

Но когда слышу уже знакомый голос, почти радуюсь тому, что Сеня закрыл подсобку.

– Мужики, вы тут девку не видели? Темноволосую, в черном платье?

– Не, здесь не видели. Девки в зале пасутся, чё им здесь делать-то...

Мужские голоса стихают, шагов не слышно. Но... я сижу взаперти. И что с этим делать, еще не придумала. Я вытираю рот тыльной стороной ладони и отплевываюсь, еще бы между ног помыть, но вряд ли здесь есть душевая. Вот с чего он ко мне прицепился, животное озабоченное? А еще в туалет очень хочется. И зачем я пила? Никто мне не скажет? Говорил мне папа, не искать приключений на пятую точку. Что же мне дома не сиделось?! Под такие мысли засыпаю, а когда просыпаюсь, понимаю, что что-то надо делать. В гостях, конечно, хорошо, но дома лучше. Как назло со мной нет телефона, я его отдала подругам, чтобы он в туалете не мешался.

Начинаю шарить по стенам и нахожу выключатель. Включаю свет. Я оказалась в подсобке, но когда сюда кто-то придет неизвестно. Придется спасать себя самой. В углу замечаю кувалду, не очень большую, вполне смогу поднять. Хватаю ее и начинаю лупить по двери, представляя перед собой Владова. Это очень добавляет спортивной злости. Грохот стоит впечатляющий. Когда-нибудь меня должны услышать. Мои усилия вознаграждаются минут через пятнадцать. Ух, хорошо! А то руки устали.

Тот, кто открывал дверь, был настроен явно не дружелюбно. Но, когда увидел меня, растрепанную, босую, с кувалдой наперевес, застыл, как сталактит, не в силах вымолвить ни слова.

Я тоже молчала, не зная, что сказать.

Наконец Алибег отмер и, видимо, не доверяя глазам, решил уточнить:

– Ольга Аркадьевна?

Я не видела смысла отрицать собственную личность, потому что с Алибегом мы были знакомы. Год назад я была его адвокатом.

– Я, я...

Но увиденное не хотело укладываться у Алибега в голове, поэтому он спросил:

– А что Вы здесь делаете?

– Напилась и уснула. Ждала принца, дракона, еще какую-нибудь нечисть. Но пришел ты, – потом решив, что я

чересчур перепугала парня, сказала, – Алибег, ты не волнуйся, за дверь я заплачу. Вроде больше ничего не испортила. А сейчас, ты извини, мне очень надо в туалет. Ну, очень надо.

Я ушла, а Алибег так и остался стоять. Потом я вернулась к нему, спросила, остался ли у него мой номер, и сказала позвонить, когда выяснят, сколько я должна за ремонт. Он мне дал телефон, я вызвала такси и поехала домой.

Глава 3.

Ольга.

Время было около десяти часов утра. На работу я уже опоздала. У меня не было ключей от квартиры, телефона, сумочки с кошельком и банковскими картами. Деньги на оплату такси пришлось взять у того же Алибега. Чертов Власов! Что б он обыкался!

Вылезла из такси, расплатилась с таксистом и, зайдя в подъезд, поднялась пешком на третий этаж. Я не хотела ехать в лифте, чтобы не встретиться с кем-то из соседей. Но с соседкой из 56 квартиры встретиться все же придется. Нет, Степанида Егоровна – золотая женщина, но я не хочу ее волновать. Возраст, куча болячек, и за меня она переживает, как за родную. Но у нее ключи запасные от моей квартиры, поэтому, не имея другого выбора, звоню в дверь.

Почти сразу же слышу из-за двери бодрый голос:

– Сейчас, сейчас, уже иду.

Дверь открывается и та-дам! Степанида Егоровна видит меня. У нее от изумления чуть приоткрывается рот и разда-

ется недоуменный взглас:

– Ой, Олечка-а-а!

Я делаю шаг в прихожую, захлопываю за собой дверь, и хриплым голосом прошу:

– Степанида Егоровна, Вы только не пугайтесь! Ключи мне от квартиры дайте.

В прихожей висит зеркало и, разглядывая себя в нем, понимаю, что сказанное мной вряд ли утешит старушку. Я без верхней одежды, на боку в платье расплзается дыра (когда только порвать успел, козел!), один чулок сполз с ноги и еле держится, на голове черти что. Картину дополняет фиолетовый засос на шее. Докатилась, Ольга Аркадьевна!

– Олечка, но как же? Что случилось? Может, тебе помощь нужна?

А я даже не знаю, что соврать. Да и лгать мне не хочется. Хочется сесть на уютной кухне, попросить чаю с чабрецом и на всех нажаловаться. Но я же взрослая! Самостоятельная!

– Ничего страшного не произошло, но рассказать, простите, не могу. Не хочу Вас впутывать. Мне б ключи. В порядок себя привести. И на работу надо.

– Ой. Олечка, – вздыхает старушка и отдает мне ключи. Быстро прощаюсь и ухожу к себе.

Зайдя домой, сбрасываю туфли и иду к домашнему телефону. Набираю по памяти Катин номер. Слушаю гудки, а следом раздаётся оглушающее:

–Лялька! Ты где? Я уже в морг позвонила, в больницы по-

звонила, своих всех напяргла.

Перебиваю ее:

—Дома я.

На том конце провода повторяют:

—Дома?! Да я тебя! Убью! А потом еще раз убью!

—Не кричи! Я не могу по телефону объяснить.

Катя затихает и спрашивает:

—Точно все в порядке?

—Сейчас уже да. Телефон, сумка, куртка у тебя?

—Да, все со мной на работе.

—Хорошо, я через час буду.

Можно было бы, конечно, позвонить на работу и отпроситься, но, во-первых, это можно было бы сделать позавчера, и даже вчера до памятного разговора с начальником, во-вторых, у меня после обеда важный процесс. Работать за меня никто не будет.

Поэтому душ, фен, деловой костюм, макияж, запасные ключи от машины. И вот я уже возле Катиной работы разглядываю белые буквы на синем фоне "ОМВД по Советскому району" и жду подругу. Катя работает опером в полиции.

Она выходит из здания и направляется к моей машине. У нее в руках черный пакет. Подойдя, она протягивает его мне:

—Тут твои вещи. Расскажешь, что случилось?

Я морщусь.

—Давай вечером. Я уже опоздала.

—Ой, да ладно. Михаил Никитич и слова тебе не скажет.

—Вчера бы не сказал, а сегодня... — я пожимаю плечами.
Теперь очередь недовольно морщиться за Катей.

—Вечером так вечером.

Я опасаясь реакции Есикова на свое появление. Не надо было намекать на то, что у него есть гомосексуальные предпочтения. Но и он тоже хорош! Столько всего мне наговорил. Не ожидала от него. У нас с ним столько лет все было мирно и гладко.

Мои опасения оправдываются сразу стоит мне переступить порог коллегии. Вернее, я даже не успеваю его переступить двумя ногами.

Есиков стоит возле входной двери и, увидев меня, призывает:

—В кабинет!

Я тяжело вздыхаю и следую за ним.

Он садится в свое кресло, а мне сесть не предлагает, вместо этого ледяным тоном спрашивает:

—Почему опаздываете, Ольга Аркадьевна? Вам расписание рабочего дня не известен до сих пор? Или у Вас часы сломались? Думаете, Вы такая особенная?

Я думаю, что спокойно я отработалась, но не говорить же ему об этом вслух.

Вместо этого тихим и рассудительным тоном произношу:

—У меня была встреча с клиентом, предупредить Вас я не успела.

—Да?! А на телефон у Вас теперь не принято отвечать?

–Телефон у меня сломался. К чему этот детский сад, Михаил Никитич?

Его лицо выражает пренебрежение и равнодушие.

–Детский сад вчера устроили Вы. А теперь Вы будете соблюдать общепринятые правила. Или найдете себе другое место работы.

Я не удивлена. Чего-то такого я и ждала.

–Хорошо, я подумаю, Михаил Никитич. Может, и правда нам пора расстаться.

Замечаю на его лице удивление и, не дожидаясь разрешения, покидаю кабинет.

Собственно, я давно не девочка и вполне могу себе позволить уйти в кабинет*, прихватив своих клиентов. Остаток времени занимаюсь подготовкой к процессу. В суде мне приходится несладко, но решение не принимают ни в мою пользу, ни в пользу моих оппонентов, откладывая заседание на другой день.

Я физически и психически вымотана, но, чтобы не раздуть скандал, приезжаю в коллегияу. Располагаюсь за столом, на секунду прикрываю глаза, пытаюсь скинуть напряжение. В дверь резко стучат.

–Войдите.

Ко мне заходит Власов собственной персоной. Он прихрамывает, пока подходит к столу. Я напрягаюсь, не зная, что от него ждать. Садится, не дожидаясь приглашения, растягивает губы в улыбке, больше похожей на оскал.

–Здравствуйте, Ольга Аркадьевна! Что-то Вы бледная сегодня. Спали плохо?

Мы с ним оказывается снова на "вы". Здоровья ему мне желать не хочется, у него его и так девать некуда.

–Чем обязана? – спрашиваю сухо.

–Я хотел извиниться за вчерашнее. Ни с того мы с Вами начали.

Я бросаю взгляд на его руки и вспоминаю, как они вчера хозяйничали у меня под платьем. Смущение заливает краской мои щеки. Когда я снова смотрю ему в лицо, то он улыбается так, как будто знает, о чем я думаю.

Он протягивает ко мне руку, я вздрагиваю.

–Не бойтесь, – а вот теперь от его тона становится реально страшно, он берет мою руку в свою и проникновенно смотрит мне в глаза.

Потом мужчина начинает говорить, и я начинаю бояться сильнее.

–Вам никто не говорил, что за свои слова нужно отвечать? Вчера Вы опозорили меня перед партнерами. Ваши рассуждения о чистоте моих гениталий, о том, куда у меня бьет сперма, о том, для чего мне следует использовать пылесос, это все было интересно. Я Вас послушал. Мои знакомые тоже послушали. И вот, что я Вам хочу сказать. Я буду не я, если единственное место, где Вы сможете работать в этом городе – это бордель. И тогда, когда Вы приползете ко мне умолять о снисхождении, Вы будете мечтать о том, чтобы я

предложил Вам свой член.

Его пальцы сильнее стискивают мою руку. Я могу лишь хлопнуть ресницами и не знаю, как на него реагировать.

–Вы мне руку собираетесь сломать?

Он чуть ослабляет хватку и большим пальцем гладит меня по ладони. Наклоняется ко мне ближе:

–Вы меня перебили. Так вот, когда Вы ко мне приползете, я еще подумаю, трахнуть Вас или дать Вам пинка под зад.

Он слишком близко наклонился ко мне. Мне хочется до него дотронуться, я поднимаю свободную руку и кладу ему на лицо. Он гладко выбрит. И блин, мне нравится его трогать. Я наклоняюсь к нему еще ближе и тихонько говорю:

–Давайте, я Вам помогу все-таки пылесос выбрать? Я ж вижу, Вам надо.

*кабинет – имеется в виду адвокатский кабинет – форма адвокатских образований в России, при которой адвокат осуществляет свою деятельность индивидуально.

Глава 4.

Ольга.

Прошла неделя после того, как Власов обещал мне новое место работы. Я сначала опасалась того, что меня на улице затолкают в машину и продадут , к примеру, в Турцию. Но ничего такого не происходило.

Зато Есикова как будто подменили. Куда делся человек, с которым я проработала десять лет? Вежливый, терпеливый, воспитанный. Вместо него меня на работе встречал его

брат-близнец: желчный, крикливый, вечно всем недовольный. Терпеть такое отношение я не собиралась. Я вообще не склонна терпеть то, что мне не нравится. Хотя если бы не эта ситуация, я бы продолжала трудиться на Есикова и дальше. Но он неправильно выбрал сторону, наивно полагая, что я буду помнить добро. Я, как революционеры, была за принцип: "Кто не с нами, тот против нас".

Если раньше он предлагал людям обращаться ко мне за юридической помощью, то теперь у меня было такое чувство, что он отговаривал тех, кто хотел воспользоваться моими услугами.

Однажды, я направлялась к его кабинету, чтобы подписать кое-какие документы. Дверь была приоткрыта, я услышала женский голос, который произнес мою фамилию. Я остановилась и прислушалась. Да, подслушивать нехорошо. Но в наш век информация – это такое же оружие. Возможно, даже более опасное.

Я не пожалела.

– Раиса Львовна, я понимаю, что Вы считаете Кондратьеву компетентным специалистом, – услышала я голос своего руководителя, – Но последнее время у меня к ней появилось очень много вопросов. И я очень сомневаюсь, что в Вашей щекотливой ситуации она сможет Вам помочь должным образом.

Я задохнулась от возмущения, но Есиков на этом не успокоился.

– Понимаете, я испытываю к Вам глубокую степень доверия. Иначе я никогда не начал бы с Вами этот разговор, ведь это все бросает тень и на мою репутацию. Но, как бы это помягче выразиться, – тут этот предатель тяжело вздохнул и продолжил поливать меня грязью, – У меня есть сведения, что Ольга Аркадьевна не совсем благонадежна.

Глупая курица принялась кудахтать:

– Что такое? О чем Вы?

– Я подозреваю, что Ольга Аркадьевна берет с клиентов деньги, но не выполняет свои обязательства.

– Но это же незаконно.

– Вот именно, дорогая Раиса Львовна! Вот именно! Но не волнуйтесь, я приложу все силы, что разобраться в этом вопросе. А Вам я рекомендую выбрать другого специалиста. В нашей коллегии много достойных адвокатов.

У меня кровь застучала в ушах, а руки заledenели. Это... он ведь не в первый раз проделывает такое за моей спиной?! Ужасная догадка стала жечь меня изнутри. Так вот почему за это время ко мне почти никто не обращался! А я еще удивлялась, что случилось. Как Власов Есикова накрутил! До чего людей доводят жадность и подлость! Стало мерзко.

В кабинете слышалась какая-то возня. Наверное, Есиков собрался проводить Раису Львовну к более "достойному специалисту". Поэтому я незаметно вернулась к себе в кабинет.

Значит, слова Власова – это не пустая угроза. Он действи-

тельно руками Есикова собирается лишить меня работы. Но я не для того столько времени лезла наверх, чтобы позволить этому уроду скинуть меня вниз. Если он считает, что у него это легко получится, то он просчитался. Я не позволю!

Работать уже не было ни сил, ни желания. Хотелось отвлечься.

Дождавшись окончания рабочего дня, я отправилась в итальянский ресторан "Аченти". Мне хотелось оказать в спокойной, уютной атмосфере, насладиться вкусной едой, выпить хорошего вина.

Оказавшись в ресторане, я сделала заказ, решила взять зеленый салат с морепродуктами и малиновым соусом и стейк рибай из мраморной говядины с картофельным пюре, шпинатом и красным винным соусом, из напитков остановила свой выбор на красном сухом вине. Десерт решила выбрать позже. Пока делала заказ, мелькнула печальная мысль, что, может быть, скоро я не смогу себе позволить такой ужин. Но я отогнала ее. Я обязательно придумаю выход из создавшегося положения. Не бывает так, чтобы все было безнадежно.

Мне принесли заказ, и я наслаждалась едой и изысканным вином. Ровно до момента, когда за дальним столиком заметила Власова. Он был не один, компанию ему составляла роскошная брюнетка. Я стиснула зубами несчастный кусочек стейка во рту от вида этого человека. В каждом его движении чувствовалась, что у него все хорошо. Нет, даже можно сказать, как ему хорошо. Он был расслаблен, много

улыбался, иногда смеялся. И действительно, почему ему не радоваться жизни? Деньги, власть, красивые женщины. Что еще надо?

Я приказала себе не пялиться в его сторону. Много чести! Я продолжила ужинать, время от времени потягивая вино. Не знаю, видел ли он меня. Во всяком случае, я не заметила, чтобы он на меня смотрел. Продолжать нашу прошлую дискуссию мне не хотелось. Я хотела лишь мирно провести вечер.

Так все и было, пока спутница Власова не отправилась пудрить носик, а сам он не опустился на стул напротив меня. Естественно, не спросив моего согласия. Я с грустью подумала, что и в этот раз останусь без десерта.

– Вы за мной следите, Ольга Аркадьевна? – улыбаясь, спросил он.

Я отметила про себя, какой он идеальный.

– Не льстите себе, Роман Александрович.

Он продолжил улыбаться, не замечая моего сухого тона.

– Верно, еще не время.

Мне не понравилось, как он выделил это "ещё".

– Оно не наступит.

– Не говорите "гоп", не перепрыгнув. А что же Вы одна, без спутника? Дайте угадаю, от Вашего яда у Вас дома передохли даже мухи, не то, что кавалеры разбежались.

Я снова сильно сжала челюсти на очередном безвинном кусочке пищи. Может, если я не буду отвечать, он отстанет?

Мне бы не хотелось снова от него отбиваться. Тем более, что я четко осознаю, что в прошлый раз мне просто повезло.

Власов продолжил издеваться:

– Открою Вам секрет, мужчины любят ласковых. Но этого качества у Вас нет. Поэтому за ужин приходится самой платить. А там и коротать старость в компании сорока кошек.

Всё, он меня достал.

– Мне нравится одиночество. Что в этом такого? Да и за ужин я предпочитаю платить сама, чтобы не давиться в качестве десерта чужой спермой.

Но в этот раз мужчина реагировал на меня спокойнее.

– Как Вас мое предложение заинтересовало! Все его забыть не можете? Но оно для Вас уже неактуально. Я ж Вам все объяснил в прошлый раз в коллегии. А Вы по вечерам уже фантазируете обо мне, ложась в свою одинокую постель в какой-нибудь дурацкой пижаме? Опускаете руку в трусы и пытаетесь удовлетворить себя. Но выходит скверно. Недостаток секса у Вас виден невооруженным глазом.

Я не очень скромная, но почувствовала, что краснею.

– С чего Вы это все решили? Может, я лесбиянка? Да и в постель я ложусь голой и с вибратором, чтобы всякая муть в голову не лезла. Он мне очень нравится. Всегда готов меня удовлетворить и разговаривать не умеет. А потом, честно, лучше сорок кошек, чем какой-то гамадрил, вроде Вас.

Эх, вот и промолчала. Неизвестно, до чего мы бы договорились в этот раз, но возле моего столика остановилась его

девушка, явно не оценив его новое место расположения, о чем свидетельствовал убийственный взгляд ее голубых глаз, направленный на меня, как дуло пистолета.

Теперь уже я улыбнулась ей, демонстрируя все свое благодушие:

– Нет, милая, я тебе не конкурентка. Даже не собиралась. Забирай свое развлечение класса "примат" и приятно провести время.

Когда они отходили от моего столика, я услышала, как Власов прошипел:

– Коза бесаячая.

Ах, я еще и коза?! Сам он... это самое.

Глава 5.

Ольга.

Несмотря на беспокойство, мне удалось закончить ужин и даже насладиться десертом. Когда я уходила, Власов с подругой еще был в ресторане.

Красивый мужик, холеный, породистый. Дети от него тоже должны быть красивыми. К чему я это вообще? Его задача, и это очевидно, не заботиться о моем счастье и благополучии, а использовать меня и унижить. Разве будет во все этом что-то приятное для меня? Нет, тогда не нужно себе забивать голову глупостями. Главное в человеке – это мозги, все остальное можно подчинить им, в том числе и инстинкт размножения.

Я вернулась домой и спокойно уснула, без вибратора и

эротических фантазий. И да, в дурацкой розовой пижаме с бабочками.

Проснулась я отдохнувшей и готовой бороться. Мужчины сколь угодно могут мнить себя хозяевами жизни. Моя скромная роль в том, чтобы разбивать их глупые иллюзии. Вместо того, чтобы мчаться к 9 на работу, я стала объезжать центр города в поисках подходящего помещения под офис. Да, куколка выросла, превратилась в бабочку, которой пора опробовать свои крылья. Я решила открыть собственный адвокатский кабинет. У меня была клиентская база, достаточно опыта и связей, чтобы не ждать, когда Есиков даст мне пинка под зад, а самой отправить его в пешее путешествие по бескрайним просторам Родины.

Я посмотрела 4 помещения, два из которых мне понравились. Созвонилась с арендодателями, договорилась о встрече и поехала домой на обед.

В коллегия я явилась в приподнятом настроении после окончания обеденного перерыва и сразу же прошла к себе, занялась делами.

Но поработать мне спокойно не дали. Ко мне заявился мой коллега Антон Викторович Солопов.

Он зашел в кабинет, прошелся по нему и спросил:

– Работаешь?

Я подняла на него глаза и ответила:

– По-моему, это очевидно.

– И ничего не знаешь, – продолжил он.

Не то, чтобы мне было очень интересно, но человек за-
чем-то пришел, чего-то хочет.

— А что я должна знать?

— Сегодня Власов к Есикову приезжал. Они долго утром
разговаривали.

— Не вижу в этом ничего странного, они вроде сотрудни-
чать собираются.

— Но слухи разные ходят. Что ты себя плохо повела в от-
ношении Власова. Как ты думаешь, кого он предпочтет — те-
бя или мешок с деньгами?

На мой взгляд, тут и думать было не о чем, все было ясно,
но обсуждать человеческую природу мне не хотелось, поэто-
му я просто пожала плечом.

Ничего от меня больше не добившись, Солопов ушел, а я
перевела дух. Но рано обрадовалась. На пороге нарисовался
Михаил Никитич.

— Кондратьева, ко мне!

Даже не поздоровался! Кипя от возмущения, я последо-
вала за ним.

В его кабинете на стуле пристроился мужчина лет 35, пу-
затый и с проплешиной. Он сидел, вытянувшись в струну, и
не знал, куда деть руки.

Есиков расположился в своем кресле. Я, не дожидаясь
приглашения, уселась на свободный стул. В конце концов, я
тоже умею переть, как бульдозер. Он сам меня учил.

Есиков кивнул мужчине на стуле:

– Рассказывайте, Петр Игоревич.

Тот, обливаясь потом, то краснея, то бледнея, начал повествование:

– Ну вот, я же к Вам приходил уже, – это он обращался ко мне, – Мне надо было с сестрой квартиру, доставшуюся от родителей, разделить. Вы сказали, что поможете. Вот... Два месяца прошло... И ничего...

А потом он стал говорить тише и в глаза мне уже не смотрел.

– А Вы ведь деньги взяли.. Пять тысяч... Помочь обещали...

Меня стало затапливать тихое бешенство. Главное, сейчас не сорваться.

Но вместо этого я гаркнула хорошо поставленным командирским голосом:

– В глаза мне смотреть!

Толстяк побелел, открыл рот и замер.

Я промурлыкала:

– Уважаемый! Где же мы с Вами встречались? – мой тон приобретал все более угрожающий характер, – Где расписка, о том, что я у Вас деньги брала, соглашение, договор? То, в чем Вы меня обвиняете, это преступление. И если Вы клеветеете, а Вы клеветеете, я Вас за это посажу. Можете не сомневаться.

Ох, дети собаки! Значит, решили так.

Я устоялась на Есикова, не мигая. Больше всего мне сей-

час хотелось расчертить его наглуую рожу своим хорошо отточенным маникюром.

– Михаил Никитич, надеюсь Вы хорошо подумали, решив со мной поссориться. Но даже, если да, то зря Вы все это затеяли.

Я встала и направилась на выход. У двери обернулась и добавила:

– А уважаемый гражданин может идти жаловаться, – затем после паузы добила толстяка, – Если не боится сесть.

Я залетела в свой кабинет, кипя от ярости. Подошла к окну и увидела, что к коллегии подъехал автомобиль Власова. Злоба душила меня и требовала выхода.

Я быстро подошла к компьютеру нашла фото симпатичной обезьянки, распечатала ее, а немного подумав, нашла фото не менее прекрасного козлика. И тоже распечатала. Положила обе фотографии в папочку с гербом, взяла скотч и ножницы и направилась на улицу.

Замечательного гамадрила я прилепила на машину Власова, а обаятельного козлика – на машину Есикова, после этого прыгнула в свой автомобиль и отправилась решать проблемы.

Вариант у меня был только один. Я, конечно, надеялась на то, что у меня есть время, чтобы прийти к этому человеку не с протянутой ладонью, не в таком положении. Но жизнь вообще редко соответствует нашим надеждам. После произошедшего я поняла, что нужно действовать быстро, не ждать,

когда Есиков меня опередит, а самой сработать на опережение. Хотя, учитывая его активность, возможно, что он оказался шустрее меня.

Но... попытаться мне никто не мешал.

Я подъехала к охраняемой парковке, мне предложили связаться с человеком, к которому я приехала. Слава Богу, что у меня есть этот контакт. Отыскав его, я, сдерживая нервную дрожь, нажала вызов. Только бы она была дома. Я давно так не волновалась, слушая телефонные гудки.

Наконец в трубке раздалось:

– Олечка?

– Да, Вера Павловна. Здравствуйте, Вы извините, я без предупреждения. И мне так неудобно... Но...

Не знаю, сколько бы я еще бормотала оправдания, но Вера Павловна была женщиной прямолинейной, поэтому следующий вопрос был:

– Ты у ворот?

– Да.

– Я позвоню на пункт охраны. Тебя сейчас пропустят. Номер квартиры помнишь?

– Да.

– Хорошо. Я тебя жду.

Я проезжаю во двор, захожу в подъезд под бдительным взглядом консьержки и поднимаюсь на лифте на требуемый этаж. Позвонить в дверь не успеваю. Хозяйка открывает сама. Ей слегка за пятьдесят, короткая стрижка, подтянутая

фигура. Весь облик свидетельствует о ее привычке командовать.

– Проходи на кухню, Оля. Сейчас попьем чай, и ты мне все расскажешь. На тебе лица нет.

Я взрослая, самостоятельная женщина. Но ко мне так давно никто не проявлял участия, что сейчас здесь мне захотелось расплакаться. Я так давно и прочно одинока, что мне не хватает простого человеческого тепла.

Я прохожу за хозяйкой квартиры на кухню, сажусь на стул и старательно отвожу глаза, которые начинает пощипывать. Она включает электрический чайник, берет заварочник, насыпает в него чай и, дождавшись, когда он закипит, наливает в него кипяток, накрывает его специальной стеганой шапочкой, чтобы букет чая раскрылся полнее. Наблюдая за ее хлопотами, я пробую взять себя в руки.

Но, видимо, у меня ничего не получается.

– Реветь собралась? – настигает меня вопрос.

Вера Павловна грустно улыбается.

– Если хочешь, поплачь. Ты же знаешь, у меня можно. Иногда и плакать тоже нужно. Только вот мы с тобой, дочка, знаем, что бесполезно.

Теперь уже моя очередь горько улыбаться.

– Да, бесполезно.

Мне удастся подавить истерику. Не время для нее.

Вера Павловна – хорошая знакомая моего покойного отца. И председатель областной адвокатской палаты. Два года

назад у нее умер муж, единственный сын разбился на мотоцикле около десяти лет назад. Так что пришла я по нужному адресу. Единственное, чего я не знаю, есть ли какие-либо рычаги воздействия у Власова на нее. Потому что, если есть, идти мне больше некуда.

Передо мной появляется чашка с ароматным чаем, в которую Вера Павловна подливает приличную порцию коньяка. Заметив мой вопросительный взгляд поясняет:

– Я ж тебя знаю. Ты жаловаться не любишь. А так проще будет.

Я послушно делаю глоток обжигающей жидкости, тепло проникает в желудок и распространяется по телу.

– Мне нужно уйти в свой кабинет..

– Из-за чего?

С ней нет места недомолвкам и полуправде.

– Один человек хочет выдвинуть меня из адвокатуры.

– Кто?

– Власов.

– Это тот, который строительным бизнесом занимается?

– Да.

– Чем же ты ему насолила?

– Меня к нему на встречу отправил Есиков пару недель назад. Не знаю, чем я ему так не понравилась. В общем, он предложил, что будет сотрудничать с нашей коллегией, если я ему минет сделаю. Прямо в ресторане. Я разозлилась. Наговорила ему кучу всего – и что гениталии у него немы-

тые, и что если у него спермотоксикоз, то хорошо пылесос помогает. А там его партнеры были. Он взбесился. Я еле из ресторана успела убежать. Он за мной гнался, я в машину спряталась. Он чуть стекло мне не расколол. А потом в этот же день я в клуб с подругами пошла, на душе муторно было, на меня Есиков наорал, а я им всем сказала, что они гомики, то есть и Власову тоже. Ну, и в клубе, он меня чуть не изнасиловал. Я ему каблуком на ногу наступила и убежала. Он ко мне приходил потом, сказал, что я только в борделе работать смогу.

Лицо у Веры Павловны стало серьезным.

– Он достаточно влиятельный человек.

А у меня от этой фразы душа ушла в пятки. Если она мне сейчас не поможет, тогда что мне делать?

Заметив, как я испугалась, она успокаивающе похлопала меня по руке:

– Не бойся. С кабинетом я тебе помогу. Только он ведь и на что-то другое может пойти.

– Да, Есиков сегодня мужчину мне предъявил, который утверждает, что я у него деньги просто так взяла.

– Ну, с жалобщиками я разберусь. Но Власов может тебе репутацию испортить, и тебя нанимать перестанут. Тут я уже ничего сделать не смогу.

– Но он же не Господь Бог? У меня клиенты, с которыми я давно работаю.

– Не знаю, дочка, не знаю. Ну, чего раньше времени горе-

вать. Что-нибудь придумаем.

Мы допили чай с разными вкусами. Ночевать я осталась у Веры Павловны.

Глава 6.

Ольга.

Организация кабинета занимает около недели – и это благодаря Вере Павловне. Не знаю, сколько бы мне пришлось бороться с бюрократической машиной одной. За это время я заключила договор на аренду офиса, купила необходимую мебель и технику. А еще известила о предстоящих изменениях своих клиентов. К счастью, большая часть выразила желание продолжить работу со мной. Это было приятно.

Есиков ходил мрачнее тучи, но говорить мне что-либо не стал. И не демонстрировал мне никого, кто бы имел ко мне какие-то претензии. Значит, Вера Павловна не обманула и вправила ему мозги. Ссориться с ней ему тоже было не с руки..

В пятницу я решила забрать свои вещи из коллегии. Необходимо рассортировать документы, ненужные выкинуть, нужные забрать с собой. Также я хотела забрать и личные вещи. Этим я занималась полдня. Все рассортировала и упаковала, погрузила в машину. Коллеги косились на меня, но помощь никто не предложил. Понятно, я же в опале.

Когда я почти закончила собираться и оглядывала кабинет, проверяя, не забыла ли я что-нибудь, ко мне заявился Есиков. Видеть его я не хотела, говорить нам уже было не о

чем, но выгнать его из кабинета в его же собственной коллегии я не могла.

– Так и уедете, Ольга Аркадьевна? Даже "спасибо" не скажете"?

Я внимательно на него посмотрела. Я не была неблагодарной тварью, но и благодарить его мне не хотелось. Да, после смерти отца он взял меня на работу, студентку первого курса юридического факультета, без опыта. Да, он многому меня научил. Но в свете последних событий, я думаю, что делал он это скорее для того, чтобы зарабатывать на мне деньги, чем из большой отеческой любви ко мне. Если бы это было не так, то и в ситуации с Власовым он повел бы себя иначе.

– Почему же не скажу. В свое время Вы мне очень помогли. За это я Вам благодарна.

– Что-то не похоже. В палату на меня нажаловалась. Клиентов переманила.

Разговор сворачивал не туда. Я не хотела никаких разборок в стиле "с бывшим мужем при разводе". Поэтому я подняла руку, прерывая излияния Михаила Никитича.

– Вы сами в этом виноваты.

Он ответил мне злобным взглядом и проронил:

– Ну, ничего. Это еще не вечер. Можете быть уверены, Ольга Аркадьевна. Вы связались не с тем человеком.

После чего он ушел, и сборы я завершила в одиночестве. Из-за его слов мне стало тревожно, внутри завозило нехорошее чувство. Я его старательно затолкала поглубже. Пока

у меня все нормально, и нет причин для паники.

Честно сказать, я ждала появления Власова, но этого не случилось. У хозяина жизни без меня много дел. Да и к чему нам встречаться? Каждая наша встреча это как взрыв. Уцелеть бы. Хотя, конечно, нельзя отнять в нем настоящего мужского начала, такому хочется подчиняться, но в то же время вряд ли из этого подчинения выйдет что-либо хорошее. И красив он, это было бы глупо отрицать. От таких племенных жеребцов только детей рожать. Потомство будет, закачаешься. Может, его попросить донором спермы побыть? Я представила его с выпуском "Плейбоя" в одной руке и баночкой для спермы в другой в каком-нибудь медицинском центре. И хихикнула. Если я ему еще и это озвучу, боюсь, он меня точно в посадках закопает.

С понедельника я работала уже на себя. И мне это нравилось. Почему я раньше этого не сделала? Всё было так, как и прежде – различного рода гражданские споры, визиты в полицию и следственный комитет, судебные процессы. И люди со своими проблемами, которые я решала – в основном, удачно. И гонорары, исправно поступающие на мой счет. Все это внушало мне уверенность в завтрашнем дне.

Дни бежали друг за другом, превращаясь в недели. Я перестала беспокоиться, решив воспринимать все произошедшее как дурной сон.

В среду после обеда, когда работы было не так много, я уже подумывала уйти из офиса, как вдруг раздался звонок в

дверь. Посмотрев в видеодомофон, которым я решила оборудовать дверь во избежание разных неприятностей, я увидела на пороге офиса двух мужчин.

– Ольга Аркадьевна, – заговорил один из них, – Не могли бы Вы впустить нас? У меня к Вам деловое предложение.

Я открыла дверь, мужчины зашли. Вышла к ним навстречу, предложила пройти в кабинет. Тот, кто со мной разговаривал, плотного телосложения, довольно высокий, лет сорока пяти, волосы слегка тронуты сединой, черты лица тяжелые, взгляд прямой, оценивающий. Второй чуть ниже ростом, моложе, с небольшим животом. С моего разрешения они расположились в креслах. Я устроилась за рабочим столом.

Старший из мужчин представился сам и представил своего спутника:

– Я – Самойлов Илья Константинович, владелец строительной фирмы "СтройГород", это исполнительный директор – Трофимов Владимир Анатольевич. Нам к Вам порекомендовали обратиться по следующему вопросу. Мы заключили договор на приобретение земельного участка под строительство жилого дома, произвели частичную оплату, но сменился собственник. И он не хочет выполнять условия договора, мотивируя тем, что прежний владелец на момент совершения сделки был не в себе. Я бы хотел нанять Вас, чтобы получить этот участок. На кону большие деньги. А о Вас отзывались очень хорошо.

С некоторых пор я с осторожностью относилась к людям из строительного бизнеса, но предложение и правда было интересным.

– Условия оплаты?

– А на каких Вы настаиваете?

– Я бы хотела получить процент от сделки.

Мужчины недовольно нахмурились.

– Возможно, обсудим фиксированную сумму вознаграждения?

– Нет, я бы предпочла озвученный мною вариант.

– В каком размере?

– Шесть процентов от цены иска. В случае выигрыша дела.

Исполнительный директор присвистнул:

– Да Вы, милочка...

– Это же не я к Вам пришла, а Вы ко мне.

Илья Константинович проронил:

– Нам нужно подумать.

– Подумайте.

Мужчины распрощались и ушли, взяв мою визитку и оставив свои.

Хотелось бы навести справки, во что я собираюсь ввязаться, но это возможно только после просмотра документов. Если они согласятся.

На следующий день я ждала звонка от Самойлова, но никто так и не позвонил. Меня это раздосадовало. Я старалась не заикливаться, но всё равно ничего с собой не могла по-

делать. Я чувствовала, что это очень выгодное предложение. А что, если я своим упрямством их отпугнула? Мало ли хороших адвокатов? Может быть, нужно было соглашаться на их вариант?

Так прошел еще один день, наступили выходные. А мне даже не удавалось получить удовольствие от отдыха. Я гоняла свои мысли по кругу. И почему-то успокоительное – «всех денег не заработаешь», мне не помогало. Я хотела этих клиентов.

В понедельник мое желание исполнилось. Мне позвонил Трофимов и сообщил, что Самойлов согласен на мои условия по оплате. Также он спросил, какие мне понадобятся документы, и когда их можно привезти. Я назначила встречу на завтра во второй половине дня, назвала ему перечень документов, и сказала, что жду Самойлова, чтобы подписать соглашение. Положив трубку, я вскочила с кресла и стала пританцовывать.

Самойлов прибыл в назначенное время, недовольным не выглядел. Он ознакомился с договором об оказании юридических услуг, внес несколько несущественных дополнений, против которых я не возражала. Мы с ним подписали исправленный договор, он оставил мне пакет документов.

И уехал, бросив на прощание:

– Надеюсь, Вы стоите таких денег.

Я первым делом ознакомилась с ценой иска – 55 000 000 рублей. Значит, если я выиграю, моя доля – это 3 300 000.

Я не зря радовалась.

Такой суммы среди моих гонораров еще не было.

Потом я принялась за скрупулезное изучение документов. Дело показалось мне не сложным. Первоначальный договор был составлен грамотно, каких-либо вопросов к нему у меня не возникло. Единственное, что могло настораживать, это то, что человека, заключавшего его, якобы считают невменяемым. Но на это должно было быть соответствующее решение суда. Владелец участка в настоящее время был мертв, а участок по наследству перешел другому лицу, которое не спешило с исполнением договора. Нужно будет отправить соответствующие запросы. А еще написать и отправить претензию. Провозилась я долго, за окнами давно стемнело, я старалась так поздно не задерживаться. Но сегодня увлеклась.

Тем не менее, до дома я добралась без приключений.

На следующий день я отправила заказным письмом претензию в адрес нового собственника участка. После чего стала готовить исковое заявление для обращения в суд.

Не ожидая никаких сюрпризов, я посчитала эту ситуацию штатной, пока ко мне в офис через несколько дней не пришел высокий худой мужчина.

Он окинул меня надменным взглядом и произнес:

– Милая барышня, я получил вот это, – с этими словами он протянул мне лист бумаги, в котором я узнала отправленную собственнику спорного участка претензию.

Братья я документ у него не стала, я и так помнила, что там написано.

– А Вы, простите, кто? – поинтересовалась я также высокомерно.

– Филин Петр Сергеевич, – ответил он мне.

– Очень приятно, Петр Сергеевич, что Вы пришли ко мне лично, но достаточно было ответить на претензию. Или Вы хотите передать Самойлову купленный им участок?

Филин хмыкнул и снисходительно улыбнулся:

– Я не знаю, что Вам наплел Самойлов, мой дядя был не в себе, когда заключал этот договор, поэтому я не собираюсь ничего ему передавать.

– Как интересно. Но, если все так, как Вы говорите, Ваш дядя должен был быть признан невменяемым решением суда. У Вас есть такое решение?

– К сожалению, я не успел оформить над ним опеку.

– Тогда Вы должны выполнить условия договора с Самойловым.

Филин покраснел и выпалил:

– Я никому ничего не должен. И Вы бы не лезли.

– Куда мне лезть, я решу сама. А вот если Вы отказываетесь от добровольного исполнения договора, тем более, что деньги уже были выплачены за участок, то разбираться с проблемой будем уже в суде.

Мужчина скривился:

– Не надо пугать меня судом. А вот Вам стоило бы поосте-

речься.

– Почему же?

– Потому что участок я продал Власову – «Империял Строй». Слышали о таком?

Я опешила. Видя мое замешательство, Филин приосанился и посоветовал:

– Так что займитесь маникюром, дорогуша. Прощайте!

И когда мужчина ушел, я ногой подвинула к себе кресло и опустилась в него. Мне очень не хотелось отказываться от сотрудничества с Самойловым. Но переть против этого танка? А как же мои три миллиона?! Ведь я могу выиграть это дело. Могу!

Глава 7.

Ольга.

На следующий день после визита Филина я очень нервничала. Я то хотела позвонить Самойлову и сказать, что не могу заниматься его делом, то начинала успокаивать себя, что глупо бояться Власова. Ведь сейчас не 90-е. В лес меня не вывезут и под березкой не закопают. Конечно, мне не хочется снова сталкиваться с этим типом, но и бегать от него нет причин. И потом в суде я буду встречаться с собственником участка или его представителем. При чем здесь вообще Власов?

К вечеру я успокоилась и решила, что такие деньги на дороге не валяются. Да и после выигрыша дела Самойлов может меня порекомендовать кому-то еще. Так что кругом од-

ни сплошные плюсы. И потом, если бы Власов был склонен к насилию, то он бы уже точно что-нибудь предпринял.

Окончательно уверившись в правильности своих действий, я позвонила Самойлову, рассказала о том, что владелец участка наотрез отказался передавать его. Также сказала, что он утверждает, что продал участок "Империял Строй". Услышав это, Самойлов ответил, что если бы участок был переоформлен на другое лицо, он бы об этом знал. Мы договорились, что я подготовлю исковое заявление и направлю его в суд.

Я запросила соответствующие сведения в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии. Оттуда довольно быстро пришел ответ, что спорный участок является собственностью Филина. Также я запросила в областной психиатрической больнице, не состоял ли у них на учете прежний владелец собственности. Как я и думала, ни на каком учете он не состоял.

В течении недели мне удалось собрать все необходимые документы, составить исковое заявление, согласовать его с Самойловым, после чего я со спокойной душой направила его в суд. Первое заседание назначили на удивление скоро, уже через неделю.

Арбитражный суд, где должно было рассматриваться дело, был расположен на тихой улочке. Вокруг него росли мощные ивы, гибкие ветви которых свисали до земли. Деревья начали зеленеть. На улице было довольно тепло. Неболь-

шой ветерок нежно перебирал уже распутившуюся листву. Солнце ласково светило с яркого, голубого неба. В такой день хотелось верить только в хорошее.

Дело будет рассматривать судья Тепляков Станислав Петрович. С ним мне уже доводилось не раз сталкиваться. Ему 35 лет, он невысокого роста, полноватый, с лысеющей головой. Он всегда вникал во все тонкости дела и принимал взвешенные решения, поэтому я надеялась, что сложностей не возникнет.

Нас проводили в зал судебного заседания. Со стороны ответчика пришел сам Филин, но не один. С ним был Зимин Евгений Николаевич. Это был довольно успешный адвокат. Но я была уверена в своих силах. После того, как в зал зашел судья, он изложил суть дела. Затем предоставил возможность сторонам аргументировать свою позицию. Как и следовало ожидать, Филин и Зимин стали напирать на то, что ныне покойный дядя Филина был невменяем, поэтому его договор со "СтройГород" недействителен. Я же изложила свои доводы, отметив, что на момент заключения договора нет вступившего в законную силу решения суда о том, что прежний владелец участка невменяем. Судья благосклонно выслушал меня и стал задавать вопросы ответчику о наличии документов, подтверждающих психическое заболевание родственника Филина.

Сам Филин от этих вопросов стал нервным, что было заметно. Зимин отреагировал спокойнее:

– Ваша честь, у нас имеются необходимые документы. Мы просим Вас отложить заседание, чтобы мы могли их предоставить.

Тогда Тепляков обратился ко мне:

– У Вас есть что заявить по этому поводу?

– Да, Ваша честь. Я не возражаю против перенесения судебного заседания, но прошу Вас приобщить к делу справку из областной психиатрической больницы о том, что Нырков Павел Григорьевич не страдал психическими заболеваниями и на учете не состоял.

– Хорошо, – судья принял от меня справку и добавил, – Заседание переносится на 6 мая на 14 часов.

Судья вышел из зала, а затем и мы покинули суд. Что меня насторожило, так это взгляды, которыми меня провожали и Зимин, и Филин. Было в них какое-то затаенное торжество. Но меня успокоила мысль, что никаких документов они предоставить так и не смогли.

В назначенное время я приехала в суд, припарковалась, зашла внутрь и стала дожидаться, когда позовут в процесс. Ни Зимина, ни Филина еще не было. Но и я пришла раньше. Секретарь судьи выглянула, увидев, что моих оппонентов еще нет, скрылась в кабинете. Минут через 5 в коридоре появились те, кого мы ждали.

Зимин заглянул в приемную судьи и вскоре нас пригласили в зал. Тепляков зашел почти сразу же. Он взглянул на нас недовольно. После выполнения судьей необходимых проце-

дур, Зимин обратился к нему:

– Ваша честь, приобщите к делу документы.

Он передал Теплякову бумаги. Судья некоторое время молча изучал их, затем огласил.

Это было заключение врачей-психиатров о том, что Ныркин страдал психическим заболеванием, которое лишало его возможности осознавать значение действий и руководить ими. Я почувствовала себя неуютно. Откуда у них этот документ? Ведь я запрашивала справку официально. Если бы дядя Филин болел, то в областной больнице были бы об этом данные. Насколько далеко они способны зайти? Могло заключение быть поддельным?

Когда мне дали слово, я высказала свои опасения:

– Ваша честь, в деле два взаимоисключающих документа. Очевидно, что один из них содержит ложные сведения. Откуда взялось заключение, которое представил господин Филин? И насколько я понимаю, вступившего в законную силу решения суда, подтверждающего невменяемость Ныркова, нет? Необходимо вызвать специалистов, вынесших это заключение, в судебный процесс.

Судья посмотрел на меня, его бесцветные, чуть выпуклые глаза ничего не выражали.

И припечатал меня фразой:

– Я думаю, в этом нет никакой необходимости. Суд удалется в совещательную комнату.

Он ушел, а до меня начали доходить масштабы катастро-

фы. Здесь и сейчас никто не будет ни в чем разбираться. Фактически решение уже принято. И даже если заключение действительно фальшивка, его не направят на экспертизу. Никто не вызовет в суд экспертов-психиатров, которые его вынесли. В этом просто никто не заинтересован. Вопрос решился благодаря связям Власова и хорошей денежной премии, капнувшей в карман судьи. Всё продается, и всё покупается. В этом нет ничего нового. Почему я не предвидела такой исход?

И что же теперь делать? Самойлов будет очень недоволен. Но есть возможность обжалования. В апелляционной инстанции, которая находится для нашего суда в Москве. Тогда у меня может быть шанс на выигрыш. Если действовать такими же методами.

Мои опасения полностью подтвердились, как только судья огласил свое решение. Договор, заключенный между Нырковым и ООО "СтройГород", был признан недействительным. Собственником участка является Филин.

Я не удержалась:

– Ваша честь, Вы приняли абсолютно незаконное решение. Я буду его обжаловать.

– Ваше право, Ольга Аркадьевна, – сухо ответил мне Тепляков.

В коридоре я оказалась одновременно с Филином и Зиминным. Внутри меня всю колотило от несправедливости произошедшего, но я старалась не выдать себя ничем.

Филин направился к выходу, Зимин немного отстал от него.

Когда он поравнялся со мной, то наклонился ко мне и шепнул:

– Привет от Власова.

Я стиснула зубы еще сильнее, рискуя вывихнуть челюсти. Не надо поддаваться на провокации. Сейчас как-то отреагировать – это слабость. Просто нужно держать лицо. Они выиграли битву, а война впереди. Только они еще не знают об этом.

Звонить Самойлову из суда не стала, ехать к нему тоже смысла не было. Я добралась до офиса и заварила себе чай на травах. Нужно успокоиться и придумать, как быть дальше.

Допив чай, несколько раз глубоко вдохнула и резко выдохнула. Как не пытайся отсрочить неизбежное, неприятный разговор не избежать.

Самойлов ответил на звонок почти сразу:

– Слушаю.

– Илья Константинович, это Кондратьева. Суд принял решение не в Вашу пользу.

Голос собеседника посуровел:

– То есть как это?:

– Филин представил заключение, согласно которому Ныркин был признан невменяемым. Договор купли-продажи объявлен недействительным.

– Вы понимаете, что Вы натворили? – градус нашего раз-

говора стал стремительно повышаться, – Если Вы ни черта не смыслите, в том, чем занимаетесь, то нужно сидеть дома и борщ мужу варить. Мне Вас порекомендовали как высококлассного специалиста, а Вы – безмозглая кукла, ни на что не способная.

– Послушайте, кто дал Вам право меня оскорблять?

– Это не оскорбления, это констатация фактов. Вы просрали дело на несколько миллионов. Хотите знать чему будут равны мои убытки? И кто мне их будет возмещать? Может Вы?

– Вам бы успокоиться для начала. Да, я проиграла в суде первой инстанции, – выговорить мне это было тяжело, – Но это не значит, что решение суда нельзя отменить. Грамотно составленная апелляция...

Меня перебил издевательский смех Самойлова:

– Вы серьезно думаете, что я доверю Вам обжалование решения суда? Я похож на идиота? Таким, как Вы, надо в минюбках щеголять, а не лезть туда, где делаются серьезные дела.

– Но... – договорить Самойлов мне не дал, бросив трубку.

Я положила телефон на край стола, подошла к столу и невидящим взглядом стала смотреть на улицу. От слов Самойлова, да и от всей ситуации, было до крайности обидно. Ведь я же не дурочка, сколько бы они все не пытались меня убедить в этом. Если бы все было сделано честно, то судья бы не смог принять сегодня никакое решение, имея на руках

взаимоисключающие документы. Но кого это интересует? Я проиграла, и реабилитироваться мне не дадут.

Легко ли пережить горечь поражения? И сколько сил для этого надо? Это, если поражение одно, а что делать, если удары сыпятся один за другим? Проигрыш дела Самойлова был только началом. Дальше от моих услуг отказались все юридические лица, с которыми я работала. На это ушло около недели. За ними пришел черед и для физиков*. Этим понадобилось еще около двух недель. Люди звонили, требовали деньги назад. Тем, для которых я ничего не успела сделать, деньги я возвращала. Там, где я действительно работала, я отказывалась возвращать гонорары. Они жаловались в палату, особо активные даже написали несколько заявлений в полицию о фактах мошенничества.

Моя жизнь стала напоминать фильм-катастрофу, где сидишь, жуешь попкорн и гадаешь, спасут героев или не спасут. Только вот меня спасать было некому. От этого становилось еще обидней.

Я понимала, что это спланированная акция. Как понимала и то, что за всем этим стоит Власов. Я несколько раз ездила к Вере Павловне, но она только разводила руками. Да и что она могла сделать? Вернуть мне клиентов она была не в силах. Я и так была ей бесконечно благодарна за то, что она гнала из адвокатской палаты всех жалобщиков поганой метлой. Да и в разбирательствах с заявлениями в полиции она тоже помогала. Но заставить людей нанимать меня она

не могла.

Я раздумывала – не обратился ли ко мне Самойлов по договоренности с Власовым. И мне начало казаться, что это все сделано специально, чтобы потопить меня. Однако Самойлов нанял другого адвоката, который обжаловал принятое судом решение в апелляции. Это меня заставило усомниться в том, что сговор на самом деле был, потому что финансовые потери для "СтройГород" были ощутимыми. Только вот для меня это ничего не поменяло.

Как Власов и обещал, я осталась почти без клиентов, моими услугами продолжили пользоваться только люди, которые мне доверяли, потому что давно меня знали, и бесплатники*. Но и тех и других было ничтожно мало. На моей карьере успешного адвоката можно было поставить жирный крест..

Между тем наступило лето. Жизнь текла своим чередом. И миру было, как всегда, плевать на трагедию отдельно взятого человека. Солнце нещадно палило, плавился асфальт, а я пылилась в пустом офисе. И это пока у меня еще не закончились деньги. Что будет, когда закончатся, мне не хотелось даже думать.

Так тошно было быть одной, там, где раньше кипела жизнь, что я не выдержала и ближе к вечеру пошла в ближайший парк. Взяла холодный лимонад и, устроившись на пустой лавочке, наблюдала за чужими заботами, стараясь отвлечься от своих. Я загляделась на молодую мамочку с двумя

маленькими детьми. Мальчишка лет пяти все время старался уехать от нее на самокате, а малышка лет двух с розовыми бантами уронила мороженное и сейчас с чувством ревела на всю улицу. Бедная женщина не знала то ли ловить сына, то ли успокаивать дочь. Легко ли этой молоденькой женщине, по сути еще девушке? Наверное, нет. Мне тоже было не легко. Но никто и не обещал, что будет.

Занятая своими невеселыми мыслями, я не заметила, как рядом со мной кто-то сел. Я не хотела компанию, поэтому собралась уйти, как вдруг услышала знакомый голос с хрипотцой:

– Что-то Вы грустная, Ольга Аркадьевна?

Я едва не подпрыгнула на лавке.

Власов, заметив мою реакцию, весело рассмеялся:

– Я Вас напугал?

Я хмуро посмотрела на него. Белозубая улыбка эффектно сочеталась с не менее белоснежной рубашкой, из рукавов которой выглядывали крепкие загорелые руки. На нем были надеты летние брюки песочного цвета и туфли на тон темнее. Бесстыжие глаза спрятаны за стеклами солнцезащитных очков. Весело ему.

– Что Вы здесь забыли?

– Проезжал мимо, увидел, что Вы скучаете вместо того, чтобы работать в разгар рабочего дня. Решил поздороваться. Его слова задели за живое.

– Так Вы же и постарались, чтобы мне нечем было занять-

ся.

Он наклонился ко мне ближе. Его запах не раздражал меня, а вот сам он ... безмерно.

– Я, – он даже не думал отпираться.

Он пришел, чтобы продемонстрировать мне, раздавленной, свое превосходство. О чем с ним дальше разговаривать, я не знала. Да и вообще, зачем мне нужен этот разговор?

Я поднялась, чтобы уйти, но он, схватив меня за руку, усадил обратно. Опять его рука на моем теле. Для меня это зрелище выглядело чужеродным.

– Что Вы себе позволяете? – я не собиралась скрывать возмущение.

– Я захотел пообщаться, а Вы опять убегаете.

– Может, дело в том, что я с Вами общаться не желаю?

Власов придвинулся ближе, одну руку закинул на спинку лавочки, второй продолжал удерживать меня за запястье.

– Опять Вы пытаетесь шипеть. Женщина должна быть покладистой и ласковой.

У меня даже рот приоткрылся от удивления.

– Когда это я успела Вам что-то задолжать?

Власов сдвинул очки на лоб и принялся меня разглядывать. Мне захотелось отвернуться.

– Такая красивая девушка! Я бы мог найти нам много интересных занятий вместо того, чтобы препираться.

Он сцепил свои руки в замок и заключил меня в кольцо, не давая мне отодвинуться.

– С такими предложениями – не ко мне.

Он придвинулся ко мне вплотную, так, что наше дыхание стало смешиваться. Выражение лица стало более жестким, даже жестоким, взгляд недовольным, злым.

– Завтра ты придешь в "Галерею" к 9 вечера. Номер 202. На тебе будет красивое белье. И ты будешь послушной.

От него разило опасностью. Не подчиниться ему, значило навлечь на свою голову, неизвестно еще какие беды. На что он способен, он мне продемонстрировал. Но подчиниться – это значит признать, что я ничего не стою. Единственное, что я поняла, что сейчас не надо возражать.

Он отодвинулся и поднялся. С высоты своего роста произнес:

– Тебе ясно?

Я смогла только молча кивнуть.

*** физики** – в юридической терминологии физические лица, граждане.

*** бесплатники** – лица, которым юридическая помощь оказывается за счет государства.

Глава 8.

Ольга.

Я не доверяла мужчинам. Они сделали всё, чтобы я им не верила. И быть чьей-то постельной игрушкой я не хотела. Я привыкла управлять своей жизнью сама, делать то, что мне нравилось. Или не делать того, что не нравилось. А сейчас мне пытались доказать что все, на что я гожусь – это прини-

мать мужской член. С этим я была очень не согласна. Власов загнал меня в угол, но даже в этом положении есть то, что можно сделать. Он так хочет поставить меня на колени. Что же, я на них встану. Но он об этом пожалеет!

До девяти вечера следующего дня у меня еще много времени.

Я набрала номер подруги:

– Привет. Кать, мне с тобой поговорить очень надо.

– Привет, Лялька. Раз надо, приезжай. Мы с Никитой дома.

Катя жила вместе с пятилетним сыном Никитой. Отец Никиты, так жаждавший наследника, после года детских криков, решил, что дети – это не его, и подал на развод. Как подруга успевала справляться с работой в полиции и маленьким ребенком, для меня оставалось секретом.

Я купила Никите игрушечного динозавра и вкусняшек и поехала в гости.

После звонка дверь быстро распахнулась, Катерина впустила меня в квартиру, а Никита поджидал в засаде. Получив динозавра, довольный ребенок отправился к себе.

Мы с подругой устроились на кухне.

– Давай, колись, -внимательно меня оглядев, велела она.

И я начала "колоться". Рассказала все: про нашу незабываемую первую встречу с Романом Александровичем, про то, как меня выжили из коллегии, про проигранный судебный процесс Самойлова, про разбежавшихся клиентов, про

угрозы Власова. И вишенкой на торте стала наша сегодняшняя с ним встреча.

– Что делать будешь? – спросила Катя.

– Он, конечно, не политик, но если его без штанов за-
снять, то, может. он успокоится? Вряд ли его деловые парт-
неры будут в восторге от видео в сети?

Катерина призадумалась:

– А в этом что-то есть. Где, говоришь, он тебе свидание назначил?

– В отеле. "Галерея", называется. И это не свидание. Это акт вандализма по отношению ко мне.

Катерина расплылась, как сливочное масло по сковороде.

– Да, камеру я тебе достать смогу у ребят. Установить я тебе её тоже помогу, а там по обстановке.

– Только я трахаться с ним не буду.

– Что так?

– Не заслужил.

– И что предлагаешь?

– Ты найди человечков, которые в самый ответственный момент в масочках и с криками "Стоять" со-
быют этому ко-
белю его спесь.

– Слушай, а если у мужика на такой почве импотенция разовьется?

– Представляешь, мне его не жалко. Козлы не должны раз-
множаться.

– Жестокая ты, Лялька.

Катя уложила Никитку спать, сделала несколько звонков, ночевать меня она оставила у себя, чтобы не терять время, а сразу же с утра заняться нашим планом.

Утром Катя собрала сына в сад, мне велела дожидаться ее звонка, а потом выезжать к "Галерее". Позвонила она часа через три, и я поехала к гостинице.

Мы встретились на парковке. Рядом с Катериной стоял высокий, плотный мужчина, чем-то очень недовольный.

– Паша, – втолковывала она ему, – Меня нельзя расстраивать. Тебе всего лишь и надо вырубить камеры на полчаса против номера 202 и достать нам ключ.

– Да, – не соглашался Паша, – А кормить меня Вы будете, Екатерина Евгеньевна, на свою "ментовскую" зарплату?

– Зачем мне тебя кормить, Паша? У тебя работа есть.

– Так меня же с нее турнут после Ваших подвигов.

– Паша, – строго добавила Катя, – Если ты мне не поможешь, то кормить тебя будет государство. Долго.

Паша совсем приуныл, посмотрел сначала на Катю, потом на меня, тяжело вздохнул и промолвил:

– Ладно.

– Вот и умничка, – похвалила его Катя.

– Как сделаю, позвоню на телефон, подойдете к служебному входу.

– Нет, Паша звонить не надо. Ты напиши. В "Телеграм" Мужчина еще раз тяжело вздохнул:

– Сделаю.

Когда он ушел, Катя показала мне коробочку с какими-то штуками.

– Смотри, сколько мне камер ребята подогнали.

Я, если честно, не совсем поняла, чему она так радуется.

И Катя уточнила:

– Ну, мало ли в каком углу он решит пристроиться, а так у нас будет полный обзор.

Потом Катя достала из машины два парика: один – со светлыми волосами, второй – с рыжими. На себя надела рыжий, мне отдала блондинистый.

– Слушай, а так мы не привлечем внимания? – решила я ее спросить, разглядывая ее рыжую шевелюру.

– Не волнуйся, у меня все рассчитано.

Паша написал где-то минут через сорок. Мы подошли к служебному входу, он провел нас в небольшое помещение, где мы переоделись в форму обслуживающего персонала, и направились в номер 202. По дороге никого не встретили, Паша вырубил видеонаблюдение на этаже. В номере Катя быстро установила оборудование, попутно объясняя мне, где лучше находиться, чтобы я не попадала особо в кадр, а Власова, напротив, было видно очень хорошо.

Обратно к машинам мы вернулись без приключений.

– Садись ко мне, надо поговорить, – скомандовала подруга.

Я села на пассажирское сиденье.

– Значит, так. Камеры включаются с пульта управления.

Включить можешь перед тем, как войдешь в номер, прямо у двери. Не знаю, что ты с этим мужиком собралась делать, но его должно быть хорошо видно, лицо, причиндалы и все прочее. Дальше, парни будут в соседнем номере, изображение с камер передается на сервер. На пульте есть еще желтая кнопка, нажмешь её, я дам команду ребятам, они ворвутся в номер. За съемкой буду наблюдать я. Сейчас ты поедешь по магазинам. купишь красивое белье, новое платье, духи, можешь зайти в секс-шоп.

– Это еще зачем?

– Если за тобой следят, то пусть видят, что ты смирилась с участью и готовишься к вечеру.

– А если за мной следили, то у гостиницы нас не могли засечь?

– Я проверила, все нормально. Паша присмотрит за сохранностью номера.

– А он нас не сдаст?

– Вряд ли. Иначе я его посажу. Всё. Мне пора на работу. До вечера, рыба моя.

Я поехала домой, а потом сделала так, как мне сказала подруга. Прошлась по магазинам, купила белье, сарафан. Даже в секс-шоп зашла, взяла пару смазок и презервативы. На черта мне понадобились смазки не знаю.

К вечеру меня стало потряхивать от волнения. Во-первых, я не знала, что ждать от Власова. Во-вторых, я не хотела с ним спать. В-третьих, я не была уверена, что все это срабо-

тает. Ну, подумаешь, заснимем мы голого мужика. И что такого?

Я приняла душ, надела новое белье и платье, уложила волосы, накрасилась и получив от Кати ободряющую смс-ку: "Вперед", обулась и поехала на такси к "Галерее". Машину решила не брать, неизвестно, как сложится жизнь.

Подъехав к отелю и выйдя из такси, я ощутила непонятное спокойствие. К черту все! Пусть будет, как будет. Я не стану трястись от страха. Зашла в отель, подошла на ресепшен, там мне подсказали, как пройти в 202 номер. Проводить меня никто не пошел, видимо, служащие отеля были предупреждены. Коридор отеля пустовал.

Я дошла до двери номера, где меня ждал Власов, на секунду замешкалась, включая камеры, затем постучала. Дождаться, когда мне ответят, я не стала. Нажала на ручку и, толкнув дверь, вошла в номер. Он был в номере один, сидел в кресле у окна, развернувшись лицом к входной двери. Ждал? Или надеялся? Я остановилась, не решаясь пройти дальше.

Роман, теперь уже необходимости в отчестве не было, был серьезен. Чуть прищулив глаза, откинувшись на спинку кресла, он лениво рассматривал меня. Как лев, который сыт, смотрит на очередную жертву, гадая, стоит ли ее разодрать или она не стоит его королевских усилий. Я молчала, он тоже молчал. Поединок молчаливых теней в начавших сгущаться сумерках.

Не знаю, сколько бы это продолжалось еще. Но, видимо, он решил насладиться моим полным унижением.

– Раздевайся, белье пока оставь.

Я так многое хотела ему сказать, но он не нуждался в разговорах. Ему дела не было до того, как я себя ощущала. Все также молча я спустила сарафан с плеч и сняла его, стянув вниз. Белье было из секс-шопа, крупная сетка, обстроченная тесьмой.

– Иди сюда.

Я медленно пошла к нему. Как бы я хотела, чтобы этого всего не было!

– На колени, – последовало следующее распоряжение, как только я приблизилась.

Сопротивляться смысла не было, поэтому я опустилась на пол. Роман запустил руку мне в волосы, стянул их на затылке и притянул мое лицо вплотную к своему. Его губ коснулась пренебрежительная усмешка.

Он отпустил меня, расстегнул ремень и брюки, освободил крупный член, который уже топорщился вверх. Он был светло-коричневого цвета, головка была аккуратной, чуть светлее по цвету, чем ствол.

Затем Власов снова схватил меня за волосы и потянул по направлению к возбужденному стояку, понуждая взять его в рот. Нежная кожа пахла гелем для душа, я раскрыла рот, принимая его в себя. Он толкнулся сразу почти до горла, но дальше протиснуться не смог.

– Горло расслабь, подбородок вперед.

Я попыталась расслабить горло, но получилось не очень.

Он толкнулся второй раз, но снова не смог преодолеть гортань. Меня затошнило, на глаза навернулись слезы. Роман недовольно зашипел:

– Не сосала, что ли, никогда.

Я дернула головой, освобождаясь из его хватки.

– Хочу, чтобы ты разделся.

– Думаешь, так пойдет легче? Ладно, но разденешь меня сама.

Я согласно кивнула и стала расстегивать пуговицы его рубашки, ладонями скользила по мощной груди. Ему нравилось, это было видно по подрагивающему от нетерпения члену. Расстегнув пуговицы рубашки, я сняла её, обнажив мужчину до пояса. Затем занялась брюками, прижалась к нему всем телом, руки запустила на крепкую задницу, потом скомандовала:

– Встань, – он подчинился.

Я заскользила руками по сильным ногам, стягивая брюки и боксеры. Спустив одежду вниз, слегка шлепнула по правой ноге, заставляя его поднять ее, до конца сняла штанину и трусы с одной ноги, затем проделала то же самое со второй ногой, после чего отшвырнула одежду за кровать. Туда же полетела и рубашка.

Власов хотел опуститься в кресло, но я попросила:

– Нет, стой.

Его должно быть хорошо видно. Сама сдвинулась чуть в сторону, чтобы он предстал во всей красе перед камерой. Волосы на лобке у него были темными и пострижены, мошонка гладко выбрита и сжата от охватившего его возбуждения. Он явно ждал от меня продолжения, и я, слизнув каплю смазки, выступившую на головке, снова взяла член в рот. Он снова резко толкнулся в меня, и на этот раз ему удалось загнать пенис мне в горло. Мужчина издал низкий, утробный стон, в котором было столько удовольствия, что я взбесилась. Нет, ему не должно быть хорошо. Я вовсе не желаю доставлять ему наслаждение. Не знаю, что двигало мной в тот момент, но, отстранившись, я выпустила член из горла, и когда он оказался во рту, прикусила его зубами, сжимая их все сильнее, так, что стон удовольствия сменился криком боли.

Власов отреагировал мгновенно, он двумя руками схватил меня за голову, отодрал от себя и отшвырнул в сторону с такой силой, что я затылком приложилась о стену. У меня перед глазами замелькали мушки. Во рту чувствовался привкус крови. Его крови. Он уткнулся себе на пах, где опадающее достоинство стало стремительно багроветь и синеть, наливаясь кровью из поврежденных сосудов.

Когда он поднял взгляд на меня, я обрадовалась, что успела нажать желтую кнопку. Иначе живой я бы оттуда не ушла.

Я не знаю, что Власов сделал бы со мной, потому что в следующее мгновение дверь номера выбили, а само помещение заполнили люди в черном камуфляже и в масках, с ору-

жием, которые очень убедительно кричали: "Стоять".

Дальше вообще начался хаос, потому что в номер ворвались мужчины в костюмах и тоже с оружием. Наверное, охрана. Но разбираться мне уже не хотелось, тем более что надо мной наклонился один из людей в камуфляже и зашипел:

– Чего разлеглась. Пошли отсюда, – и только по голосу я поняла, что это Катя.

Она потянула меня к выходу из номера, между мужчинами завязалась драка.

В коридоре отеля Катя накинула на меня куртку, которая едва прикрывала попу. Но мне было не до этого. У меня кружилась голова. А потом меня начало подташнивать.

Она вытащила меня из отеля, затолкала в свою машину и привезла к себе домой.

– Лялька, ты как?

– Тошнит. Голова кружится.

– Похоже, сотряс. Дай посмотрю.

Она осмотрела мне голову. Там обнаружилась приличная шишка, к которой был заботливо приложен пакет со льдом.

Катя не выдержала и спросила:

– Ты что, его за член цапнула?

– Ну, да.

– Зачем?

– Нечего мне всякую гадость в рот совать, – я произнесла это серьезно.

Но Катя прыснула, я посмотрела на нее и тоже хихикнула,

а потом мы уже, не сдерживаясь, стали ржать.

Это из-за нервов, наверное.

Глава 9.

Роман.

Я полулежал на собственном диване в гостиной после визита к урологу. Боль в паху была адской. Поверх спортивных на пострадавшей области располагался мешок со льдом. Я уже не знаю какой раз нажимал вызов абоненту, который носил гордое имя "Змея подколотная". Телефон был выключен. Счастье, что мне не дали до нее добраться сразу. Убил бы! Вообще какой черт меня дернул с ней связаться?

Напротив в кресле сидел мой партнер Аслан Булут, который то смотрел на меня, то отводил глаза, старательно пряча улыбку.

В конце концов я не выдержал:

– Хорош скалиться!

Он вместо этого взял и загоготал на всю гостиную.

– Аслан, да ты издеваешься?1- прорычал я.

– Извини, брат. Я все понимаю, но выглядишь ты комично.

– Я бы на тебя посмотрел.

– Как это вообще случилось?

– Что это? Как с женщиной сексом занимаются?

– Нет, это я знаю. Но с такой ситуацией сталкиваюсь первый раз. Ты что ей сделал?

Я закрипел зубами. И правда что? Я до последнего был

уверен, что эта дамочка ломается, набивает себе цену. Делает всё, чтобы привлечь к себе внимание. Да, привлекла она его знатно. В жизни её не забуду. После такого-то!

И клиентов я ее не разгонял. Они сами разбежались после того, как она проиграла процесс Самойлова. Тут каюсь, виноват. Дал взятку судье. Мне самому нужен был этот участок позарез. Ну, шепнул паре человек, что Кондратьева, как адвокат, ничего из себя не представляет. Но то, что от нее все разбегутся я не ожидал. А когда так случилось, почему не воспользоваться ситуацией в свою пользу. Ведь она женщина красивая, одинокая. Не стал бы я ее обижать. Наоборот, только бы радовал. Сколько можно без секса нормального? Вот она от этого такая злющая.

Но всё пошло не по плану. Сначала она укусила меня за член. Что нельзя было сразу сказать, что она оральный секс не любит? Или она из-за клиентов своих решила мне детородный орган отгрызть? Я её и отшвырнул-то от себя, потому что ничего не соображал от боли. Ни разу руки не поднял на женщину. Зачем? Заблокированная банковская карта более весомый довод в любом споре. Срабатывает безотказно. Потом в номер ворвались люди в камуфляже, потом моя охрана. А я посреди всего этого великолепия в чем мама родила. И с баклажаном вместо мужского достоинства. Хорошо Аслан прилетел раньше остальных турок, и все разрулил. Если бы меня в таком виде увидели будущие партнеры... Нет об этом лучше не думать.

Но это еще не все. Когда служба безопасности проверила номер, там оказалось много камер видеонаблюдения. Собственно, поэтому я и пытался дозвониться до этой бешеной.

– Ром, ты меня слышишь?

Я задумался и забыл про Аслана.

– Я спросил, зачем она так сделала?

– Я её к сексу принуждал.

Аслан удивленно меня рассматривал.

– Брат, у тебя какие-то проблемы? С чего вдруг?

И что ему ответить?

– Не дала.

– И она последняя женщина на земле...

– Не последняя, но...

А что но, я не знаю, как объяснить.

– Ладно, я понял.

Что он понял, я даже спрашивать не стал, итак всё это – какая-то дичь.

– Слушай, а если она видео в сеть сольет? Что тогда? Я перед людьми не смогу тебя прикрыть. Они не поймут, – Аслан переживал по поводу нашего совместного проекта.

Правильно переживал.

Я тоже переживал, поэтому раздраженно заметил:

– Ничего она не сольет. Её скоро найдут.

Аслан вопросительно вскинул брови:

– Надеюсь ты не придумал очередную ерунду?

Ответить я ему не успел, у меня зазвонил телефон. Я от-

ветил на звонок.

Потом торжествующе улыбнулся Аслану:

– Нашли, везут сюда.

Я от нетерпения заерзал на диване, что сразу отдалось болью в причинном месте.

Через полчаса, которые показались мне вечностью, виновницу моих бед втолкнули в гостиную. Она была в джинсах и футболке, волосы убраны в конский хвост. На голове бейсболка. Без юбок, блузок и каблуков Кондратьева выглядела значительно моложе.

– Нашлась, пропажа, – я хищно оскалился и встал, морщась от неприятных ощущений. Мешок со льдом, про который я совсем забыл, свалился на пол.

Ольга заметив это, отвернувшись, я увидел, что уголок ее губ дернулся от усмешки.

Значит, ей это кажется забавным. Перед глазами поплыла красная пелена ярости.

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – прорычал я, из последних сил стараясь не орать.

Ольга посмотрела на меня, сглотнула, но быстро подавила эмоции, задрала кверху подбородок и ответила:

– Знаю, ничего.

У меня зачесались руки.

– Как ты заблуждаешься!

– Нет, понятно, что сейчас ты можешь сделать со мной

всё, что твоей извращенской душе угодно. Но тогда в сети появится очень интересный ролик. Ты там просто офигенно фотогеничен.

Я в два шага оказался возле негодяйки, схватил ее за шею и слегка придавил.

– А чем это тебе поможет? Или может тебя вон хлопцам из охраны отдать, чтобы они тебя уму-разуму поучили? А?

Я сжал ее шейку сильнее. Ей было очень страшно. Её выдавала отчаянно пульсирующая венка на шее.

– Тогда у тебя будет обвинение в моем убийстве. И оглушительная популярность в интернете. Неужели ты думаешь, меня не знают, где искать? – просипела она.

После таких слов я бы наверное, сдавил сильнее, так как очень хотелось придушить стерву, но вмешался Аслан, который убрал мою руку.

– Остынь, брат.

А потом Булут ляпнул.

– Ребята, у меня такое впечатление, что вы лет 10 женаты.

Ольга растирала тонкой ладошкой шею и хмуро взглянула на Аслана. Я тоже был не в восторге.

– С ним? Нет уж, увольте.

– Да безопасней на волчице жениться, чем на ней.

– И правда, Рома-а-а, лучше бы поберегся, а то вдруг я еще и заразная.

– Что, уже прививку от бешенства идти делать? Как ты вообще до такого додумалась? Кусаться зачем? Не хотела бы,

не приходила.

– А ты что ко мне прицепился? Женщины кругом вымерли? По каким признакам ты определил, что твое общество должно быть мне приятно?

– Да что со мной не так? Потрахались бы и разошлись.

– Почему я вообще с тобой должна трахаться?

– А что у тебя там сотрется что ли?

– Да не хочу я! Ты мне не нравишься.

– Это почему же?

– Потому что грубый, высокомерный козел!

Я рассвирепел и неожиданно понял, что мы с ней орем друг на друга, а Аслан стоит рядом и ухмыляется. Пора заканчивать этот балаган.

– В подвал ее.

Охранник схватил Ольгу и потащил из комнаты. Она попробовала вырываться, но у нее ничего не вышло, слишком разная весовая категория.

– Пустите! Ты вообще сумасшедший! Психопат! Имей в виду, если я не вернусь через три часа, видео сольют в сеть! – прокричала она напоследок.

Аслан подождал, когда я немного успокоюсь.

– Брат, с девушкой надо договориться. Если видео попадет в интернет, мои знакомые откажутся от сотрудничества.

Я ни о чем не хотел договариваться с этой шантажисткой.

– Не нравлюсь я ей, видите ли! Скажи мне, Аслан, со мной что-то не так?

Булут неодобрительно покачал головой:

– Рома, ты думаешь совсем не о том. То, что она говорила.

Может кто-нибудь сделать, пока она здесь?

– Да, её подружку не нашли. Видео может быть в облаке.

Запустить его в сеть можно с любого устройства.

– Тогда, извини, придется ее отпустить и как-то с ней договориться.

Я и сам это понимал. Не пытаться же её, в самом деле? Но мои специалисты рано или поздно найдут источник этого порно-ролика, и когда они его удалят, я эту паршивку... Что именно я с ней сделаю, мне предстояло еще придумать.

Я вздохнул и попросил:

– Аслан, давай ты с ней сам поговоришь. Я не могу. Она меня бесит.

– Ладно, тогда скажи своим, чтобы из подвала её привели.

– Нет, пока рано. Пусть посидит часа полтора, потрясется.

– Брат, ты выбрал странный способ затащить девушку в постель. Нужно менять тактику.

– Пусть посидит.

– Ладно, ладно, если ты так хочешь, – примиряюще под-
нял руки Аслан.

Через полтора часа Ольгу привели назад в гостиную. Она недовольно оглядела нас с Асланом, но благоразумно отмалчивалась. Надо же молчать умеет! Вот это открытие.

– Предлагаю разойтись по-хорошему, – начал Аслан.

– Ничего так больше не желаю, – ответила Ольга.

– Вы отдадите нам исходники с видео и удалите его отовсюду, куда успели скопировать. А взамен...

Ольга перебила Булута.

– Я, что, на дуру похожа? Нет, видео останется у меня, а Ваш друг просто забудет о моем существовании.

– А вдруг Вы передумаете?

Ольга скептически хмыкнула.

– Уважаемый, так то я тоже на том видео есть. И без необходимости я его сливать никуда не буду.

Тут я не выдержал и вмешался:

– Что даже денег не будешь требовать?

Ольга возмущенно вскинулась:

– Засунь себе свои деньги, знаешь куда?

– Прекратили! Оба!– теперь зарычал уже Аслан, – Ладно, будем считать, что вы погорячились.

–Я могу идти? Раз мы договорились?

–Ольга, я надеюсь, Вы понимаете, что если Вы не сдержите слова, я не смогу ручаться, что Роман будет себя вести адекватно.

–Если он от меня отстанет, я ничего распространять не буду. Это не в моих интересах.

–Хорошо.

– Вызовете мне такси, – попросила Ольга Аслана.

Как только такси приехало, Булут проводил девушку до машины, они мило распрощались, а я стоял у окна и скрипел зубами от злости. Ничего, ничего. Будет и на моей улице

праздник. И тогда я эту гордячку скручу в бараний рог.

Глава 10.

Ольга.

Такси довезло меня до дома подруги, я позвонила в домофон и услышала взволнованное:

– Лялька, где тебя черти носят?

– Впусти меня, и я тебе всё расскажу.

И точно почти у чертей была. Как жива осталась? Сама себе не верю. Ущипнуть, что ли, себя? Когда меня стали за-талкивать в машину возле продуктового магазина, я раз сто попрощалась с жизнью, тем более глядя на зверские лица мордоворотов, которые занимались моей транспортировкой. А потом этот неуравновешенный с его железными доводами. Оказывается, чтобы не было проблем, ему надо было просто "дать". Ага, ага, желательно лопатой по зубам. Кусать его за член и, правда, не стоило, но мне в тот момент было так мерзко. Нет, я не против орального секса, но для этого партнеры должны доверять друг другу. А тут... Я ему не резиновая кукла.

Я поднялась по лестнице. И на лестничной площадке встретила Катю, которая пританцовывала от нетерпения и с аппетитом жевала пирожок.

Я поняла, что жутко хочу есть. Гад этот Власов. Даже чаю не предложил.

– У тебя еще есть? – кивнула я на пирожок.

– Да ну тебя! Ты лучше расскажи, почему тебя не убили

после покушения на младшенького Власова, – отмахнулась подруга.

Я обиделась. Ей пирожок жалко. Заметив, что я насупилась, Катерина ткнула меня в бок кулачком и сказала:

– Пойдем, поделюсь с тобой едой. А то так и умру от любопытства.

Съев два пирожка: один с картошкой, второй с повидлом, выпив кружку сладкого чая, я подобрела и рассказала подруге о своих злоключениях.

Внимательно меня выслушав, она сделала вывод:

– Значит, вы решили расстаться друзьями. Если честно, после того, как ты перестала отвечать на звонки, я думала, что найду тебя по частям. А этот твой Власов даже ничего. Любой другой мужик тебя после такого собакам бы скормил. Но ты не переживай, видео я надежно спрятала. Если он рассчитывает отыграться, как только найдет компромат, то тут ему ничего не светит, – и она сразу же переключилась на другую тему, – А агрегат у него очень даже ничего. Я пока ролик монтировала, очень хорошо все рассмотрела. Зря ты так вообще с ним. Зубы бы не разжала вовремя, и оставила бы мир без такого производителя. Ты б лучше лаской с ним. Приголубила бы, удовлетворила. И глядишь, не пылилась бы в своем офисе среди талмудов.

– Катя, может, ты его сама голубить будешь? У тебя лучше получится. Если что, в наручники его и к батарее. И будет он как шелковый. А я с таким, что делать буду? Член он больше

мне не доверит. Если вообще рискнет его кому-нибудь еще в глотку заталкивать.

– Эх ты, Лялька! А какой ведь самец бесхозным пропадает! Ладно, давай с тобой вина выпьем за твое чудесное спасение.

Мы выпили красного вина, поужинали, и я поехала домой спать более-менее спокойная насчет своей дальнейшей судьбы.

Я вернулась к работе. Теперь, когда Власов прекратил заниматься диверсионной деятельностью, люди нет-нет да и обращались ко мне за помощью. Конечно, прошлой популярности у меня не было, но и полного игнора тоже. Однако, меня это не устраивало.

Вот, что за жизнь такая?! Этот альфа-самец ввалился в мою жизнь, хотя его особо не звали, потоптался в ней, нанес мне психологическую травму и не сделал ничего, чтобы исправить ситуацию. Да, надо было бы потребовать от него, чтобы он ликвидировал за собой бардак и разрушения, которые принес в мою жизнь, но это пришло мне в голову позже. Сначала я вообще радовалась тому, что меня не убили.

Придется снова все делать самой. Я ломала голову над тем, как исправить положение, пока до меня не дошли слухи о том, что адвокат Самойлова проиграл апелляцию. Значит, Илья Константинович оказался в безвыходном положении и готов схватиться даже за соломинку. Это было мне на руку. Решение теперь надо было обжаловать в кассации, и это да-

вало шанс на победу и Самойлову, и мне, притом конечно, что Самойлов не станет артачиться. Да, снова придется перейти дорогу РOME, но это будет только справедливым возмездием за то, что он испортил мою репутацию.

Глупо было бы рассчитывать, что Самойлов примется бегать за мной и упрашивать, чтобы я вернулась к нему. Поэтому я решила сходить к нему сама. Но меня не пустили в офис. Меня это только разозлило. И я принялась наблюдать за его офисом. Мне понадобилось пять дней, чтобы выяснить, что на обед он ездит в небольшой ресторанчик недалеко от работы. Я заказала там столик, примерно в то же время, что он там бывает, и на следующий день поджидала его там.

Он расположился в другой от меня части ресторана и сразу меня не заметил. Подождав, когда ему принесут заказ, я поднялась со стула и направилась к нему.

– Какая встреча, Илья Константинович! Приятного аппетита! Не отвлекаю? Позволите?

Самойлов заметно помрачнел и сквозь зубы ответил:

– Садитесь.

Подождав, когда я устроюсь на стуле, мужчина решил высказаться:

– Вам никто не говорил, Ольга Аркадьевна, что Вы напоминаете питбуля? Как вцепитесь, так от Вас очень трудно вырваться?

– Дорогой Илья Константинович, про питбуля мне не говорили, а вот с волчицей сравнивали. Но Вам не нужно от

меня вырваться. Вам нужно со мной дружить. Ведь Ваш талантливый адвокат, который, надо полагать, не носит мнимую обиду, не смог выиграть дело в апелляции? Не смог. И Вам теперь уже почти нечего терять. Разве что партнеров. А дальше неустойки и прочие неприятные вещи. Давайте я попробую Вас от этого всего избавить?

– Как в первый раз?

– Справедливое замечание. Но Вам же отлично известно, каким образом Филин смог выиграть суд. В Москве игра будет идти на чужом поле, и у Вас появится шанс.

– И что же Вы хотите за этот шанс?

– Мои условия не изменились. Извините, заняться благотворительностью не могу себе позволить. Я, как и Вы, сильно пострадала от действий нашего общего знакомого. И мне бы хотелось поправить свое положение.

– Деньги только после того, как Вы выиграете.

– Разумно. Но имейте в виду, если Вы решите меня обмануть, я смогу переиграть ситуацию опять в пользу Власова.

– Ладно, Ольга Аркадьевна. Если бы не убытки, которые я понесу в ближайшем будущем, и то, что за это дело больше никто не хочет браться, я бы с Вами не связался опять.

– Значит, мне повезло.

– Поглядим, сколько протянется Ваше везение в этот раз.

– Достаточно.

Я сказала все, что хотела, поэтому попрощалась и ушла.

Возможно, это было опрометчиво, и мне не стоило нары-

ваться, тем более что Власов действительно успокоился, но ничего другого, чтобы вернуть себе репутацию, я придумать не смогла. Собрав все необходимые документы, я поехала в Москву. Разумеется, жалобу можно было подать и на месте. Можно было бы обойтись без всякой поездки, но я решила сделать все от меня зависящее, чтобы решение суда первой инстанции отменили.

Приехав в столицу нашей Родины, я обнаружила, что там дико холодно, несмотря на то, что на дворе стоял август. Причем аборигены щеголяли в платьях и рубашках с короткими рукавами, а я, натянув тонкий пуловер и ветровку, никак не могла согреться. Как они живут тут вообще?

Я остановилась в гостинице, предоставив в кассационную инстанцию все необходимые документы еще в своем городе. Здесь мне нужно было другое.

Набрав заветный номер, я поприветствовала собеседника:
– Доброе утро, Серафим Алексеевич.

Этот человек узнал меня по голосу.

– Оленька, и тебе доброе. И не видно тебя, и не слышно.

– Да Вы же знаете, я предпочитаю свой тихий, спокойный город. Москва слишком шумная.

– Мать приехала навестить?

Вот эту тему я бы не хотела обсуждать, но и рассказывать, как на самом деле обстоят дела с родительницей, никакого желания не было.

– Да, мы давно не виделись. И с Вами я не виделась уже

долго.

– Я на неделе занят, девочка. Но в субботу жду тебя к обеду. Замуж не вышла?

– Хорошо, буду обязательно, и все-все расскажу.

Мы закончили разговор. Придется ждать до субботы, но оно того стоило. Ничего, погуляю по Москве. Здесь масса интересного.

Я устала с дороги и легла отдыхать, а потом сама не заметила, как уснула.

Разбудил меня телефонный звонок. Этот голос я предпочла бы не слышать ближайшую тысячу лет точно.

– Ольга? Ты в Москве, а узнаю я об этом почему-то не от тебя.

Зачем звонит? Какое ей вообще дело, в Москве я или на Марсе?

Каждая встреча с матерью для меня как испытание. Да и мать ли она мне? В моем сознании мама это не человек, который тебя родил на свет, а тот, который любил тебя с того момента, когда первый раз взял тебя на руки. Любил тебя не за что-то, а потому что ты просто есть. И как мои фантазии применимы к женщине, бросившей своего восьмилетнего ребенка, чтобы выйти замуж за обеспеченного человека? Папа тоже хорошо зарабатывал, но позволить себе дом на Рублевке, яхту и виллу в Майами не мог.

А я ведь ждала ее, надеялась и верила, что она меня любит, пока в двенадцать не услышала их разговор с отцом.

Отец просил ее забрать меня на месяц, потому что я очень соскучилась, а она ему ответила, что Ваня (её муж) не хочет в своем доме чужих детей.

– Да, Мария, что ты хотела?

Она настаивает, чтобы я обращалась к ней по имени. Да мне и самой так больше нравится.

– Ольга, ты чем-то недовольна? Мы с тобой давно не виделись. Я хочу, чтобы ты пришла завтра на ужин. Только оденься поприличней.

Я собираюсь сказать, что не приду, и уже открываю рот, как в телефоне раздаётся:

– Пока.

Абонент отключается.

Вот так выглядят теплые родственные отношения. Пере-званивать ей, не перезваниваю. На это несколько причин. Во-первых, если она звонит, значит ей что-то нужно. Просто так не стала бы. Во-вторых, если ей что-то понадобилось, то отказ она лучше воспринимает, когда ты находишься перед ней и не ведешься на манипуляции. В других случаях она воспринимает твой отказ как вариант "я подумаю", но почему-то всегда в свою пользу. В-третьих, она совершенно не умеет уважать чужие границы. Если сейчас не пойти и не разрушить ее далеко идущие планы, она заявится на мою территорию, откуда ее бывает непросто выпроводить. Сказочная женщина. Сейчас я уже и не жалею, что она ушла.

Оставшееся время до завтрашнего ужина я гуляю по

Москве, отправляюсь на ВДНХ в "Москвариум", потом в Ботанический сад. У меня не так много времени, но я успеваю полюбоваться красивыми местами. Особенно меня притягивают акулы. Странная ассоциация. Но и растения в Ботаническом саду тоже действуют успокаивающе.

Питаюсь в кафе, не забываю поесть перед ужином. Кто его знает, чем закончатся эти "гости"? Из одежды поприличней на мне джинсы, футболка, ветровка и кроссовки.

К восьми вечера такси привозит меня в закрытый поселок к особняку, который не вызывает ни восхищения, ни зависти, только какое-то гнетущее чувство. Я ведь не перестала быть "чужим ребенком", так что я здесь делаю?

Меня встречает охрана, провожает до гостиной, где я застаю Марию. Она безупречна, да и вместо пятидесяти лет ей больше сорока не дашь.

Её лицо недовольно хмурится:

– Что за вид, Ольга? Я же просила...

– Извини, мама, я в Москве налегке, без вечерних туалетов.

Мамой я зову её лишь тогда, когда хочу сильнее взбесить. Кажется, мне это удалось.

– Ты могла бы сказать. У тебя было достаточно времени, что купить одежду и привести себя в порядок.

Время у меня, конечно, было, а вот финансовых возможностей – нет. Но об этом я ей говорить не буду.

– Я приехала по делам, а не бегать по магазинам. Если

с моим внешним видом какие-то проблемы, я могу вызвать такси и уехать в гостиницу.

Ей такое развитие событий не нравится.

– Пойдем со мной в гардеробную, подберем тебе что-нибудь.

– Нет, мама, – на этот раз это слово звучит резче, царапая горло, – переодеваться я не буду.

Чтобы я надела на себя что-то из ее вещей? Боже упаси!

Её красивое лицо начинает напоминать маску. Мария отлично меня знает, поэтому не настаивает.

– Хорошо, иди так, – цедит она и добавляет, – Пойдем в столовую. Нас уже ждут.

Я иду за ней. Обстановка вокруг вполне соответствует статусу её мужа. Роскошь, пахнувшая деньгами. Но нужно отдать должное, роскошь со вкусом. Я и в такой обстановке чувствую себя вполне комфортно. В конце концов, стол из красного дерева все равно тот же стол.

В столовой меня ждет сюрприз, помимо Ивана Сергеевича на ужин приглашен еще один мужчина сильно пенсионного возраста. Гордея, наследника и гордости семейства Тихоновых, нет. Но это и к лучшему.

– Приветствую, Иван Сергеевич, – и, обращаясь к неизвестному, говорю, – Добрый вечер.

Элементарные правила вежливости никто не отменял.

Маска на лице Марии сменяется голливудской улыбкой:

– Это моя дочь, Ольга. А это хороший друг семьи – Тимо-

фей Архипович Прокудин.

Дедушка Тима тоже расплывается в улыбке, но взгляд его фокусируется в районе моей груди. Мне всё это не нравится.

Мы с Марией садимся на свои места, перед нами ставят тарелки с горячим. Выглядит все аппетитно, но я просто ковыряюсь в тарелке и стараюсь понять в какой "цирк с конями" я попала на этот раз. Пока разговор идет на отвлеченные темы, я хоть и напрягаюсь, но не сильно. Как вдруг Тимофей Архипович решает пойти в наступление:

– Ольга, а чем Вы занимаетесь?

– А мама разве не говорила? – мне нравится реакция Марии на звучание одного простого слова, и пусть это пока всё, что мне доступно, но почему не уколоть её?

Затем всё же решаю удовлетворить любопытство собеседника:

– Я адвокат.

– Преуспевающий? – следует вопрос.

Да что ж это такое, ему, что декларацию о доходах предоставить?

– По меркам Москвы, наверное, не очень.

– Такая красивая девушка. И умная. Не задумывались о том, чтобы перебраться в столицу? – его масляный взгляд ощупывает меня.

– Нет. Мне не нравится суета.

– Да, но для Вашей карьеры это было бы лучше. Этот город больших возможностей. Я бы мог Вам помочь на первых

порах, – его блеклые от возраста глаза снова останавливаются на моей груди.

И тут до меня доходит. Это мне спонсора нашли. Вот это поворот.

Деду Тимошке на старости лет захотелось свежего мяса. Но он не угадал. И пусть на нем красуется "Ermenegildo Zegna", но ему лет семьдесят, а я к таким женихам не готова. Со мной молодой горячий жеребец не справился, куда уж "старому коню".

Как бы выпутаться из этих семейных посиделок?

– Нет, благодарю, я к таким переменам не готова, – и мне приходит в голову дикая идея, – И жених против будет.

Деда Тима заметно огорчается:

– Жених?

– Да.

– Какой еще жених? – вступает в разговор Тихонов.

Этого так просто не проведешь, очень умный и хваткий тип.

Но раз я начала, то отступать поздно. Прости меня, Рома.

– Да, – утвердительно киваю головой, – Может слышали, Роман Александрович Власов?

Иван Сергеевич впивается в меня взглядом. Не верит он мне, не верит.

– Кое-что слышал. Только, не слишком ли он молод для тебя?

Как меня продавать-то пытаются!

– Самое то. У нас с ним такая любовь, – и меня словно черт дергает, – Я вам его сейчас покажу.

Катя развлекалась с видео, как могла и сделала несколько безобидных коллажей. Там мы с Власовым действительно выглядим очень гармонично. И скинула мне на телефон, как напоминание о том, что я зря такого самца продинамила. Я вытащила из кармана телефон, открыла один из снимков и предъявила его как доказательство нашей неземной любви всем присутствующим. На этом фото я стою вполоборота, а Роман сжирает меня таким плотоядным взглядом, что в наших отношениях невозможно усомниться.

Присутствующие скривились. Им это не по нраву.

Дед Тима предпринимает последнюю попытку:

– А чем Вы завтра занимаетесь?

– Завтра я занята, – даже не вру, у меня завтра обед с Золотарёвым.

– А послезавтра?

– Увы, я возвращаюсь домой. Жених заждался. Молодой, темпераментный.

Тимофей Архипович не любит сдаваться. Может, ему ролик показать, что бывает с теми, кто мне решается досаждать. Спорю, у него в штанах все скукожится.

Еще одно упоминание о том, что я несвободна, перевел ужин в другое русло. Меня оставили в покое.

После его окончания, я собралась уезжать. Мария провожает Прокудина.

Но меня остановил Иван Сергеевич:

– Не торопись, Ольга. Пойдем в кабинет. Поговорить надо.

Кабинет под стать своему хозяину. Такой же основательный и мощный. Тихонов указал на место, где мне расположиться, сам остался стоять.

– У тебя точно всё серьезно с этим твоим Власовым?

Ответила вопросом на вопрос:

– К чему эти расспросы?

– Не буду ходить вокруг да около, но ты очень понравилась Тимофею Архиповичу. Он даже готов жениться.

– Надо же, какая щедрость! Меня одну смущает, что ему пора белые тапочки выбирать, а не жену?

– Опять хамишь? – голос посуровел, – Медицина сейчас на высоте, не бойся, сразу не помрет. Пока детей тебе не заделает.

Чаша моего терпения переполнена.

Я поднялась, тем более что пришло оповещение о подъехавшей машине.

– Иван Сергеевич, у меня всё хорошо. И необходимости ложиться под старика нет. Тем более рожать от него детей. Давайте закончим этот разговор. Он мне неприятен. Всего доброго!

Не дожидаясь какого-либо ответа, я ушла из кабинета, а затем уехала в гостиницу. К счастью, Мария со мной поговорить не попыталась. А то бы это был уже перебор.

Глава 11.

Ольга.

Я зашла в кондитерскую и купила яблочный пирог с корицей, от которого шел потрясающий аромат. Потом села в такси, назвала адрес. Меня уже ждали. В дверях меня встречала хозяйка Тамара Леонидовна, женщина за пятьдесят, приятной полноты и какая-то уютная, что-ли. В её гостиной всегда хотелось остаться и не уходить больше никуда.

– Проходи, проходи, Оленька. Сто лет тебя уже не видела. Какая я ж ты красавица!

Я протянула принесенное лакомство:

– Это Вам. Я помню, Серафим Алексеевич очень любит.

– Сама пекла?

– Нет, я в гостинице остановилась.

– А мама?

– У неё давно уже своя жизнь, Тамара Леонидовна.

– Да я всё знаю, Оленька. Но я надеялась, что ваши отношения улучшились.

Я пожалала плечами. Как можно улучшить то, чего нет?

– Ладно, не будем о грустном. Иди, мой руки и к столу. Ты ж голодная. А я со своими разговорами.

Помыв руки, я прошла в столовую, обстановку этого дома я знала наизусть, потому что проводила здесь время сессий, когда училась заочно на юридическом. Гостиница, да и съемная квартира были мне тогда не по карману. Спасибо

хорошим людям, что не бросили меня в трудную минуту.

Серафим Алексеевич тепло меня поприветствовал. Мы сели за стол. Я рассказывала о своей жизни, слушала их рассказы. Когда тебе легко с людьми, то и выдумывать ничего не надо. Конечно, беседы касались и работы. Несмотря на свой статус. Серафим Алексеевич был в общении простым человеком, без всякого налета ханжества и высокомерия.

В конце обеда был пирог и кофе. В их доме я всегда вспоминала папу. Вспоминала со светлой грустью по такому родному человеку.

После кофе Серафим Алексеевич поднялся и произнес:

– Пойдем в кабинет, поговорим.

Когда прошли в кабинет, я не стала ходить вокруг и около:

– Мне нужна Ваша помощь.

– В чем?

– У меня начались проблемы на работе. Я проиграла важный процесс. И сами понимаете, клиентов резко поубавилось. Дело сейчас в кассации. Иск Самойлова к Филину о передаче земельного участка в собственность. Первоначальный собственник земли умер, наследником стал Филин, который отказывается передавать участок из-за того, что его родственник был психически нездоров. В суд он предоставил заключение психиатров. Но я запрашивала сведения в областной больнице. Там выдали справку, что этот родственник никогда на учете не стоял и за помощью не обращался.

Золотарёв нахмурился:

– Думаешь, судью купили?

– Я уверена. Меня никто не стал слушать в суде. И я даже знаю, кто купил. Но доказать ничего не могу.

– Что нужно от меня?

– Чтобы кассацию быстрее рассмотрели и отменили решение суда.

– Договорились, но в такой ситуации дело скорее всего направят на новое рассмотрение.

– Только в другой суд.

Мы еще немного посидели, а потом меня проводили и вели быстрее их звать на свадьбу. Я ответила, что как только встречу такого же положительного мужчину, как Серафим Алексеевич, то сразу соберусь замуж.

Я вернулась в родной город и продолжила спокойно работать. Только Самойлов надоедал мне каждодневными звонками. Я устала объяснять, что для рассмотрения дела нужно время.

Роман.

Все-таки что не говори, а Москва это совсем другой уровень бизнеса. Мы с Булутом заходим в один из офисных центров Москва-Сити, поднимаемся на лифте и оказываемся в приемной, где нас встречает секретарша. Называем фамилии и нас провожают в просторный кабинет. Инициатором этой встречи был Булут, потому что турки заупрямились и хотят привлечь к сотрудничеству своего давнего партнера Тихонова. И это притом, что тендер я выиграл.

Булут уже знаком с хозяином кабинета, я его вижу в первый раз. Аслан тянет руку для приветствия:

– Иван Сергеевич, – а потом через секундную заминку представляет меня, – Роман Александрович Власов.

Я тоже пожимаю протянутую ладонь. А хватка-то у старого медведя будь здоров. Тихонов слишком пристально меня рассматривает. Мне не понятна причина такого внимания. Какое-то время мы обсуждаем детали сотрудничества. Здесь проблем нет никаких, сделка будет выгодна всем трем сторонам.

Но когда беседа уже подходит к концу, Иван Сергеевич выдает:

– Так, Роман Александрович, и когда у Вас с моей падчерицей свадьба?

Сказать, что я удивлен, значит, не сказать ничего.

– Иван Сергеевич, какая свадьба? И какая падчерица?

Взгляд у Тихонова становится острее:

– Что, Ольга ничего про свою семью не рассказывала?.

С некоторых пор это имя вызывает у меня настолько жгучее эмоции, что спокойно реагировать на него я не могу. И всё равно, причем здесь свадьба? Неприятная догадка осеняет мой начавший воспалиться мозг.

Между тем, видя мое недоумение, Тихонов уточняет:

– Ольга Аркадьевна Кондратьева, – понимая, что происходит что-то не то, мужчина спрашивает, – Или вы не знакомы?

Я, наконец, прихожу в себя:

– Нет, почему же, знакомы, – только детали нашего знакомства за чашкой кофе рассказывать не будешь, тем более её отчиму, – Но ни о какой свадьбе с этой особой и речи идти не может.

Теперь уже Тихонов не понимает, в чем дело:

– Но Ольга сказала, что Вы встречаетесь.

Таким дураком я себя давно не чувствовал, только в нашу прошлую встречу с этой стервой, когда она угрожала слить видео в сеть. Нет, я её точно убью. Зря я в прошлый раз послушал Булута. Надо было её придушить.

Еле сдерживаясь от злости, я отчеканил:

– Она Вам наврала. У нас с ней ничего общего нет, и не будет.

Кроме порно-ролика, подкинуло мне каверзную мысль подсознание.

Тихонов не нашелся, что еще сказать. Мы скомкано попрощались и ушли.

На парковке у машины Аслан, видя мое лицо, спросил:

– Брат, мы хотели задержаться в городе на вечер, отдохнуть?

– Нет, Аслан, извини, мне нужно вернуться. Я хочу пообщаться со своей "невестой". Хотя ты, если хочешь, можешь оставаться.

– Рома, ты только не кипятись.

– Не кипятится? – я не заметил, как повысил голос, – Что

эта гадина о себе вообразила? Шантажировать меня надумала? Может еще жениться заставит?

Тут Булут не нашелся, чем меня утихомирить.

– Ладно, я с тобой. А то дел наворотишь.

Отговаривать его я не стал, потому что он был прав. Я был близок к очень опасным поступкам от ослепившей меня ярости.

Ольга.

Домой я вернулась в прекрасном расположении духа. В том, что Золотарёв мне поможет я ни капли не сомневалась. А в суде первой инстанции я найду доказательства, чтобы подтвердить, что Нырков был нормальным и сделку совершил в твердом уме и прекрасной памяти.

На следующий день после возвращения из Москвы я решила сходить в ближайший магазин, чтобы купить что-нибудь на обед. Выйдя из офиса, я заметила решительно шагающего в мою сторону Власова. Выражение его лица не сулило мне ничего хорошего. Я сразу забеспокоилась за дело Самойлова. Что, если он узнал о том, что я решила действовать его же методами? Нет, он не мог. Откуда?

Когда он поравнялся со мной, я заметила, что у него разве что пар из ушей не шёл. Чем я так успела его разгневать? Тут мне в голову пришла идея, что он узнал о том, что я нас практически поженила.

– Ничего не хочешь мне объяснить? – вопрос был задан

таким тоном, от которого, видимо, его подчиненные прятались под столами.

И все-таки здоровый, разъяренный мужик выглядит устрашающе.

Я мысленно пискнула "Ой", но вслух поинтересовалась, стараясь, чтобы голос звучал успокаивающе:

– По поводу чего?

– Как же, дорогая, у тебя с памятью плохо стало? – теперь от его слов веяло сарказмом, – У меня твои родственники уже датой свадьбы интересуются.

Так значит, все-таки свадьба. Воистину, язык мой – враг мой. Зачем я это вообще сказала?

– Какие родственники?

– Тихонов.

– Он не мой родственник.

– Да что ты? А он сказал, что ты его падчерица. А еще он мне рассказывал, что я, оказывается твой жених, – последнее слово Рома практически выплюнул.

Я поняла, что попала.

– Да, я ему наврала. Откуда я знала, что вы вообще знакомы, и он будет что-то у тебя уточнять?

Его мои слова не успокоили.

– А может, ты спишь и видишь, чтобы за меня замуж выскочить? Тем более и компромат на меня имеется.

– Ни разу такая идиотская мысль в мою голову даже не пришла. То, что я наговорила, это случайность, – я сделала

глубокий вдох, – И я прошу за нее прощения. Этого делать не следовало.

– Тебе много чего делать не следовало, это точно. Из-за чего ты бесишься, а? Потому что одна? Работать самой приходится, а не на чужой шее сидеть. А хочешь, скажу, почему ты одна? Потому что ты ледышка, и гонору у тебя чересчур много.

За что он так, я же пытаюсь извиниться? Зачем старается все время обидеть? Если бы он меня не провоцировал, я бы забыла о нем на следующий день после того, как сходила на встречу вместо Есикова.

В то время, как я боролось с расползающимся внутри чувством горечи, мой взгляд остановился на автомобиле представительского класса, из которого, после того, как ему открыли дверь, выбрался Тимофей Архипович. И как будто этого было мало, следом его сопровождающий передал ему в руки увесистый букет бордовых роз. Как же всё это несправедливо! Неужели всё, чего я достойна – это мерзкий старикашка с онанистскими мечтами о молодом женском теле?!

Мной двигала жесточайшая обида на весь белый свет. Я видела, как Прокудин идет ко мне с цветами. Роман его не замечал, так как стоял спиной, да и вряд ли обратил внимание, если только они не знакомы.

А еще мной двигало желание доказать, что он заблуждается. Что меня на самом деле очень трудно забыть. Он и так стоял слишком близко, практически нависая надо мной. Мне

достаточно было чуть придвинуться. Что я и сделала. Потом обхватила мужчину за шею обеими руками и поцеловала. Сама. Сердце то ли от удивления собственной наглости, то ли еще от чего-то зашло за грудиной, так что пульсация крови стала отдаваться в ушах.

Его губы оказались сухими и теплыми. Никаких посторонних раздражающих ощущений. Мой язык скользнул по ровному ряду зубов и, не встретив препятствий, встретился с его языком. Мне стало жарко, также, как было у него во рту, а может еще жарче. Чтобы не видеть безобразия, которое я творю, я прикрыла глаза, смежив веки.

Что было удивительно, Роман не попробовал отстраниться, оттолкнуть меня. Напротив, его язык с упоением встретился с моим и принялся исследовать мой рот.

Как же жарко! А еще и внутри все требовательно заныло, спускаясь напряжением по ногам, и опалая краской щеки. Свежий морской аромат его парфюма, смешанный с запахом мужского тела, проникал в легкие, заставляя мое тело жаться к его все ближе. Мужские руки, которые какое-то время бездействовали, вдруг стали прижимать меня к нему все крепче, сначала задержались на талии, а потом поползли ниже. И когда я попыталась отодвинуться, он не позволил, недовольно рыкнув.

Нас прервало чье-то покашливание.

Я убрала руки с шеи Власова, сделала шаг назад. Почему-то не смогла заставить себя посмотреть на него, боясь

увидеть в его глазах то, что размажет меня совсем. Так как Рома не торопился убирать руки с меня, я их скинула и сделала еще несколько шагов назад. Губы все еще горели, как и лицо.

Потом я посмотрела на того, кто кашлял. Прокудин выглядел нелепо, стоя недалеко от нас с огромным букетом цветов.

– Здравствуйте, Тимофей Архипович! – не зная, что делать, я заговорила первой, – Какими судьбами?

Он уже знал, что Власов никакой мне не жених. Иван Сергеевич наверняка уже поделился этим открытием. Поэтому и приехал. Но для него это ничего не меняло.

– В Москве Вы не нашли для меня времени, вот я решил, что дома Вам будет проще со мной встретиться.

Я вдруг почувствовала дикую усталость. Я совсем не понимаю мужчин.

– Здесь у меня тоже не будет для Вас времени, Тимофей Архипович. Я думала, что Вы поняли еще в прошлый раз. И мне не придется говорить все вот так прямо. У нас с Вами не будет никаких встреч, потому что Вы мне не интересны, да и буду откровенной, слишком стары для меня.

Лицо Прокудина вытянулось. Стоявший рядом Власов молчал. Впрочем, на него я старалась не смотреть.

Я отсекала всякую возможность того, что Прокудин последует за мной коротким:

– Прощайте!

А затем вернулась в офис. Есть мне, расхотелось.

Зайдя внутрь, прошла в свой кабинет, надеясь, что мужчины уедут. Говорить мне с ними не о чем.

Минут через пять дверь кабинета без стука отворилась. На пороге появился Власов всё с тем же несчастным букетом.

Что еще ему нужно?

– Тебе просили передать, – как ни странно, в голосе не слышалось насмешки.

– Положи там, – я кивнула на свободный стул.

Сейчас я хотела только одного, чтобы он ушел. Как же неловко!

Но осталась одна вещь, которую мне нужно сделать. И желательно, при нем.

Я взяла в руки сотовый, полистала список контактов и нажала вызов. Когда мне ответили, сказала:

– Мария, мне нужен номер твоего мужа.

– Сейчас сброшу, – прозвучало в ответ. Она даже не спросила, зачем он мне понадобился.

Получив сообщение, я позвонила Ивану Сергеевичу.

– Вы меня узнали?

После его утвердительного ответа я продолжила:

– Тогда я постараюсь коротко. По поводу наших отношений с Власовым я Вам солгала. Между нами ничего нет. Но впредь я Вас попрошу не заниматься устройством моей личной жизни. Никогда.

И сбросила вызов.

Теперь я уже могла смотреть на Романа:

– Думаю, ты можешь идти. Для тебя никаких последствий эта история иметь не будет.

Знакомая пренебрежительная усмешка тронула уголки его губ.

– Хорошо, – и он ушел.

А я осталась одна с противным чувством какой-то своей неполноценности. Посмотрев на цветы, поднялась, подхватила букет и направилась к мусорным бакам, которые располагались за домом. И выбросила туда букет. Мне стало легче.

Глава 12.

Роман.

Я сижу в автомобиле возле аэропорта. Безопасники работали около 2 недель и пришли к выводу, что весь компромат на меня хранится не у самой Кондратьевой, а у ее подруги, Чащиной. Что этим дурам, может взбрести в голову, неизвестно, поэтому я решил действовать. У всех есть свои сильные и слабые стороны. Главное их узнать. И вовремя надавить на нужные.

Чащина в разводе, воспитывает ребенка одна. Муж платит алименты чисто символически, в воспитании сына не участвует. У него своя жизнь. Из родственников у Катерины только престарелая мать, живущая в деревне на небольшую пенсию. Работа в полиции вряд ли может считаться ее сильной стороной, чтобы она по этому поводу не думала. Те, на чью

поддержку она рассчитывает, отвернутся от нее в мгновение ока, как только запахнет жареным.

А им сейчас обязательно запахнет. Мне не доставляет удовольствия воевать с женщинами, но и оставлять, у кого бы то ни было рычаг давления на себя, я не собираюсь.

Из здания аэропорта выходит Чащина, которая несет на руках ребенка. С одной стороны плохо, что мальчик с ней, с другой – у нее есть возможность прочувствовать всю безысходность своего положения. Она должна была сегодня лететь в отпуск в Турцию, но у меня были другие планы. Её сопровождают двое крепких ребят из моей охраны. Когда они подходят к машине, один из них открывает дверь. Катерина медлит, увидев меня:

– Не ожидала? – интересуюсь, хотя и так понятно, что для нее наша встреча сюрприз.

Но не только им веселиться за мой счет.

– Садись, чего ждешь?

Она неловко забирается в автомобиль, так и продолжая держать сына руках, который время от времени всхлипывает и вцепился маленькими ручонками в мать, так что не оторвешь. На секунду меня колет чувство вину, за то, что напугали мальчишку, но я отгоняю его, как назойливую муху. Эти бабы сами виноваты. Куда полезли?

– Как дела? – спрашиваю, но Чащина не отвечает.

– Ты ведь понимаешь, что будет дальше? У тебя нашли вес герыча* в крупном размере. Его изъяли, оформили все

документы как положено. И только от меня зависит, что будет с тобой дальше. Как сотрудник доблестной полиции, ты можешь прямо отсюда поехать в СИЗО*. Либо удалить всё, что есть у вас на меня, и поехать в Турцию. Имей в виду, что протоколы и героин будут храниться в надежном месте, и если ты меня обманешь, я, не раздумывая, пущу их в ход. А тебе надо подумать о сыне. Если ты попадешь в тюрьму, что будет с ним? Сколько там за сбыт наркотиков в крупном размере? От десяти до двадцати лет лишения свободы?

Она обжигает меня ненавидящим взглядом.

– А если я солью видео в сеть?

– Тогда мои спецы его достаточно быстро подчистят. А ты сядешь. Да и даже, если кто-то и успеет посмотреть, я как-нибудь это переживу.

Чащина крепче прижимает к себе ребенка и мучительно раздумывает, как поступить. Наконец спустя минут пять принимает решение:

– Ладно, я всё удалю. Мне нужен мой телефон, – а потом поднимает на меня горящие яростью глаза и добавляет, – Какая же ты сволочь, Власов! А я Ляльке еще говорила, что она зря с тобой так. Похоже, она права была.

Упоминание Кондратьевой последнее время вообще действует на меня странно. И зачем она меня только целовала? Теперь я не высыпаюсь из-за снов весьма определенного содержания с ней в главной роли. И что я там с ней только не делал! Причем без разницы был секс или не было. От этого

я реально устал.

– Да, да, твоя Кондратьева была права. Если тебе от этого легче станет. Где еще есть видео?

Она замешкалась с ответом.

– Не вздумай мне врать. Это плохо для тебя закончится.

Она морщится, но понимает, что я не шучу и ей некуда деваться.

– На флешке, на даче. И у Оли на телефоне. Больше нигде. Подзываю одного из ребят, что её привели.

– Степан, отдай ей телефон.

Он передает девушке устройство. Она какое-то времяковыряется, потом говорит:

– Всё.

– Телефон отдай Степану. Пока ты съездишь за флешкой, мои люди проверят, всё ли ты правильно сделала. А потом поедешь к Ольге и удалишь всё у неё.

Поколебавшись пару секунд, Катерина передает телефон мужчине. потом вылезает из автомобиля и уходит в другую машину. Дальше я думаю, разберутся без меня.

Что же, Ольга Аркадьевна, не так Вы хорошо всё и просчитали.

*герыч – героин (наркотик)

*СИЗО – следственный изолятор – место, где содержат арестованных граждан.

Ольга.

У входа в офис меня встретила молодая женщина лет 25.

Одета вполне прилично, за руку она держала маленькую девочку. Ребенок прижимал к себе какую-то плюшевую зверюгу сиреневой расцветки, похожую на шар, но с лапками. Рядом с визитерами стоял чемодан.

Видя, что я достала ключи и собираюсь открывать офис, женщина приблизилась ко мне, не выпуская руки ребенка, и попросила:

– Помогите, пожалуйста. Вы адвокат?

Она была довольно миловидной, но вот глаза. Они были больными. Больными от отчаяния. Я хорошо знаю этот взгляд. Его я видела в зеркале целый год, после того как умер папа и меня бросил Максим.

– Да.

– Я... У меня мужа посадили... И я не знаю, к кому обратиться. Он ни в чем не виноват, – она сбивалась, когда говорила, видно было, что сильно нервничала.

– Пойдемте внутрь. Там и поговорим.

Женщина взяла чемодан и, ведя девочку, зашла за мной в офис. Они, кажется, долго ждали, поэтому замерзли.

– Чай будете?

Посетительница хотела отказаться, но девочка вдруг сказала:

– Мам, я замерзла. Можно мне горячий, с сахаром.

– Да, – ответила я ребенку.

Приготовила чай, предложила печенье и приготовилась слушать.

Женщина отхлебнула из чашки напиток и стала объяснять, что случилось:

– Муж недавно перевелся на новую должность в фирме "Орион" – заместитель директора. Зарплату обещали очень хорошую. Мы так радовались. А вчера его арестовали, сказали, что он украл деньги со счетов. Но он не мог. Он не такой.

– А как мужа зовут?

– Анохин Вячеслав Олегович.

– И где он сейчас?

– Как это называется? Изолятор, вроде.

– Изолятор временного содержания*?

– Да, да, – закивала она.

– Тогда он не арестован, а пока задержан. Как правило на 48 часов. Решение об аресте принимает суд.

– Вот, у меня визитка следователя есть, – передает посетительница мне клочок бумаги.

Я забираю его и спрашиваю:

– А Вас как зовут?

– Меня Надежда.

– А по отчеству?

– Можно без отчества.

– А все-таки?

– Ильинична.

– Я сейчас позвоню следователю и все выясню. А Вы – почему с чемоданом?

Она отводит глаза в сторону и тихо-тихо говорит:

– Меня свекровь выгнала. Сказала, что это я виновата.

Почему-то это все больше напоминает какой-то сопливый сериал.

А затем Надежда Ильинична спрашивает:

– Вам ведь платить надо? Только деньги все у мужа, а у меня вот в кошельке пять тысяч осталось. Я Вам их отдам. Только помогите.

Я бесплатно не работаю. Но есть в моих посетителях что-то такое незащитное, уязвимое, как у брошенных щенков. Как у меня десять лет назад. А меня ведь не бросили.

– Деньги уберите. Вам жить негде?

– Ну да, – голос ее становится еще тише.

Не знаю, зачем мне это, но я решаю помочь. Вроде и делать этого не следует. Кто они мне? Но оставить все так, как есть, не могу. Дура, потому что.

Я позвонила следователю и выяснила, что Анохина задержали по подозрению в совершении мошенничества. Арест будет завтра в 9 утра в Советском районном суде. Я сообщила следователю, что я – защитник подозреваемого, и через час привезу ему ордер, а до этого ему лучше никаких действий с ним не проводить, если он не хочет, чтобы я жаловалась.

Я проверила у Надежды Ильиничны документы, потом позвонила Миле, у которой пустует дача, вполне пригодная для проживания. Мила согласилась встретить Анохиных, и все им показать. Я вызывала им такси и отправила их туда.

Сама поехала в ОМВД по Советскому району.

Я нашла следователя, ознакомилась с протоколом задержания и другими документами, потом съездила в ИВС, поговорила с Анохиным. Он клялся, что к исчезновению денег не имеет никакого отношения. Я ему поверила. Поэтому вернулась в офис и допоздна готовилась к завтрашнему судебному заседанию, где будет решаться вопрос, заключать под стражу Анохина или нет.

Когда стемнело, в офис приехала Катя. Я очень удивилась. Подруга выглядела странно.

– Что случилось? Вы же с Никитой должны были улететь сегодня.

– Вылет отложили. Я расстроилась и решила к тебе захватить. Может, сходим куда?

– Из-за чего отложили?

– Неполадки с самолетом.

– А теперь как же?

– Вроде полетим послезавтра. Так как насчет прогулки?

– Извини, Катюш, я не могу. У меня завтра арест*. Хочу добиться, чтобы человека выпустили под подписку.*

Чащина осталась, о чем-то рассказывала, но я не слушала. Потом я вышла из кабинета, а когда вернулась, то Катя стояла у стола и сделала попытку быстро отойти, как будто испугавшись.

Потом она побыла еще немного и ушла. Я вздохнула с облегчением, так как её болтовня отвлекала от дела.

Когда я уже собралась уходить, раздался звонок стационарного телефона.

– Алло, я слушаю, – взяла я трубку.

– Ольга Аркадьевна? – на другом конце провода раздался грубый мужской голос.

– Да, это я.

– Я бы Вам очень советовал отказаться от дела Анохина. Как бы с Вами беды какой не случилось.

И говоривший отключился.

Вот это да! Не успела вступить в дело, как мне уже начали угрожать. Что там не так?

Предупреждение на меня не подействовало. Может, это пустые угрозы. Если придавать значение всякой ерунде, то и работать будет невозможно.

На следующий день в назначенное время я была в суде. Каких-либо весомых доказательств вины Анохина у следствия не было. Мужчина был прописан на территории области, проживал по адресу своей регистрации, имел работу, с которой его до сих пор не уволили, жену и малолетнюю дочь. Судья прислушался к моим доводам и освободил его в зале суда. Правда, потом пришлось проехать в ОМВД по Советскому району, где ему избрали в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении, но какие-либо следственные действия сотрудник полиции, который вел дело, проводить сегодня не планировал. Поэтому я объяснила Анохину, где находятся его жена и дочь, и спро-

сила, кто может подтвердить его невиновность. Он ответил, что бухгалтер – Дементьева. Так как ему вернули телефон, он попытался до нее дозвониться, но ему никто не отвечал. Мы с ним решили, что подождем дальнейших следственных действий, а потом выработаем тактику защиты. Он уехал за своей семьей, а я отправилась в офис.

После обеда объявилась Дементьева, которая позвонила по рабочему телефону. Слышно её было плохо. В трубке стоял какой-то непонятный шум.

– Мне нужно с Вами срочно поговорить, – сообщила она и продолжила, – У меня есть доказательства того, что Анохин не брал денег. Его подставили. Вы не могли бы ко мне приехать? Я сама не могу, подвернула ногу.

Я согласилась, она назвала мне адрес, ехать предстояло далеко, за город, но, если у нее есть то, что мне нужно, это будет большая удача.

В городе были пробки, ехать пришлось медленно, поэтому, включив навигатор, при выезде из города я прибавила скорость. Где-то через час пути, в зеркало заднего вида я заметила, что меня нагоняют два черных внедорожника. Я сразу же вспомнила вчерашний телефонный разговор, но приказала себе не разводить панику. Несмотря на то, что я пыталась оторваться, автомобили догнали меня и зажали в клещи. А затем одна из машин резко впечаталась в бок моего автомобиля. Последнее, что я запомнила, это противный скрежет металла, и раскрывающиеся подушки безопасности, ко-

торые и спасли мне жизнь.

*изолятор временного содержания (ИВС) – место, где содержат задержанных по подозрению в совершении преступления лиц.

*арест – заключение под стражу – мера пресечения, применяемая к подозреваемым в совершении преступлений лицам, заключающаяся в принудительной изоляции, как правило, сроком на два месяца.

* подписка о невыезде и надлежащем поведении- более мягкая мера пресечения, которая заключается в том, что подозреваемый не может покидать место жительства без разрешения следователя (дознавателя) и обязуется не допускать более нарушения закона.

Роман.

Булут, вернувшийся на родину, попросил меня посмотреть участок за городом под строительство дома, который срочно понадобился кому-то из его многочисленных родственников. Я не смог ему отказать и поехал один. На выезде из города заметил очень знакомую черную машину. Как оказалось, ехали мы в одну сторону.

Теперь причин тревожиться у меня не было. Чашина отдала флешку с компроматом, а вчера вечером съездила в офис Кондратьевой и удалила видео с её телефона. Что дальше делать с Ольгой я еще не решил.

Интересно, куда она собралась? Приближаться не стал, а то мало ли чего она себе навоображает. Участок, который

мне надо было посмотреть, располагался далеко. Проведя в пути около часа, на пустынном участке дороге меня обогнали два внедорожника. Машина Кондратьевой все еще находилась в пределах видимости. Внедорожники стали ее догонять. Не знаю почему, но я тоже увеличил скорость. День был пасмурный, дорога влажной от недавно закончившегося дождя. Не удачное время для гонок. Потом я едва не впал в ступор, увидев, как огромные черные монстры стали притискивать автомобиль Ольги к обочине. Я нажал на сигнал и еще увеличил скорость. Но одна из машин, совершив маневр, столкнула черную "KIA" с дороги. Машина полетела в овраг, переворачиваясь с колес на крышу и обратно.

Не знаю, что было бы дальше, если бы на трассе не было меня. После столкновения внедорожники просто прибавили скорость и скрылись с места. Я остановился на месте аварии и стал спускаться по склону. Хорошо, что он был не крутой. Начавшая желтеть трава не давала почувствовать намокшую от дождя землю. В воздухе пахло сыростью. "KIA" была сильно покорежена. Когда я спустился вниз, то машина стояла на колесах, я распахнул водительскую дверь. Девушка была без сознания. Я пощупал пульс. Сердце билось. Как сильно пострадала, неизвестно.

Я позвал ее:

– Оля?

Она никак не отреагировала. Во что ввязалась эта дура? Её только что пытались убить.

Я достал из кармана сотовый, собираясь позвонить в полицию и скорую. Но, помедлив немного, передумал. И опустил телефон в карман.

Какое мне дело до этой женщины? Ничего, кроме неприязностей, от нее с момента нашего знакомства у меня не было. Да и этот её финт с недоделанным минетом. За это одно я её хотел прибить бессчетное количество раз. И сейчас я её должен спасти? Зачем? Кто она мне?

Никто.

То, что случилось, можно расценивать как карму. Просто не надо вмешиваться. Просто надо уйти. Если у нее и осталось что-то способное мне навредить, то все исчезнет вместе с ней. Нет человека – нет проблемы. Мне нужно развернуться и уйти. Но это оказалось почему-то трудно сделать. Ноги налились тяжестью и не хотели поднимать меня назад к машине. Я убеждал себя, что это из-за того, что приходится подниматься по склону. Оглядываться себе я запретил.

Вскарабкавшись наверх и потратив на это больше времени, чем требовалось, я протянул руку и открыл дверцу автомобиля.

Осталось сесть в машину и уехать смотреть участок.

Вместо того чтобы сесть в автомобиль, я ударил кулаком по крыше.

– Б***дь, – выругался сквозь зубы.

И пошел назад. Когда приблизился к разбитой машине, заметил, что из-под капота валит дым, а бензобак повре-

жден. Задерживаться здесь в любом случае не стоило. Хорошо, что двери не заклинило. Я беспрепятственно вытащил Ольгу и, взяв на руки, понес к автомобилю.

Идти старался быстро, так как "KIA" в любую минуту могла взлететь на воздух. Девушка была без сознания. Каких-либо значимых повреждений я не увидел. На лбу была небольшая ранка. Из нее шла кровь.

Когда я со своей ношей поднялся к автомобилю, в овраге прогремел взрыв. Вовремя я успел.

Я положил Ольгу на переднее пассажирское сиденье, чуть опустив его. Надо было вызывать скорую и полицию. Но те, кто стоял за всем этим, были настроены серьезно. И в больнице её скорее всего добьют. И, если бы не я, это уже бы сделали. Размышляя таким образом, я разозлился на себя. Какого черта мне не всё равно?!

Ладно, самокопанием придется заняться позже. Я еще раз посмотрел на девушку, дыхание было спокойным, длинные ресницы отбрасывали тень на щеки, пухлые губы чуть приоткрыты. Ни дать, ни взять ангел во плоти. Пока не очнется.

Делать нечего. Жалко будет, если убьют. Я завел машину и поехал домой. Перед Булутом придется извиниться. Его участок я посмотрю в другой раз.

Достал телефон и позвонил в частную клинику, где наблюдаюсь, попросил, чтобы ко мне выехал врач.

Когда спящая красавица придет в себя, тогда и буду решать, как с ней быть дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.